

18+

Владимир Никулин

Все возвращается

Владимир Никулин

Всё возвращается

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190090

ISBN 9785005121608

Аннотация

С самого своего рождения жизнь Арсения не задалась. Он не знал ласки родителей, да и сами родители не знали о нём ничего. Мальчик рос, мужал, не делал ничего предосудительного, но всё было против него. Уже на закате своей жизни, узнав в своём соседе по несчастью отца-подлеца, он решается на отмщение... В романе присутствуют откровенные сцены, жестокость и насилие. 18+. «В связи с действующим законодательством в Российской Федерации роман выходит с ремарками»

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	36
Третья глава	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Всё возвращается

Владимир Никулин

© Владимир Никулин, 2020

ISBN 978-5-0051-2160-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая глава

Сюжет данной истории начал закручиваться в конце 50-х годов прошлого века. Страна, вышедшая из Великой Отечественной войны победителем, залечивала раны, восстанавливала, строила, сеяла, выращивала. Оставшиеся в живых, вздохнули с облегчением, когда отменили карточки и вопреки всем трудностям советское правительство стало снижать цены на продовольствие и другие необходимые для населения товары.

Дмитрий Сергеевич Меркулов в первый же день войны ушёл добровольцем. Прошёл всю войну, дважды был ранен и контужен. Имел полный комплект орденов и медалей. А жена и шестнадцатилетний сын Василий уехали в эвакуацию. Прибыв в Горький, они вместе с матерью поступили на оборонный завод. Василий получил бронь и всю войну честно трудился, приближая победу. После войны они вернулись в Москву, Василий закончил институт и был приглашен в один из НИИ на работу. Правда директором этого института работал его отец, но никаких поблажек молодому сотруднику не давалось. К тому же Дмитрий Сергеевич готовился к повышению. Его, орденоснца, добившегося хороших результатов в области послевоенного укрепления обороноспособности страны, партия направляла на не менее трудный участок работы. Требовался хороший управленец

в министерство, способный по-военному, чётко и грамотно держать нити одного из важных процессов, нового секретного проекта.

Василий, к этому времени уже младший научный сотрудник одного из НИИ, был перспективным молодым человеком. В институте он был на хорошем счету. Член партии, спортсмен, отличный семьянин, энергичный общественник и т. д. и т. п. Всё у него получалось легко и красиво. По поводу красиво. Незамужние девушки обречённо вздыхали, глядя на такого красавца, но увы. Он любил свою жену. Уже пронёсся слух, что Василия Дмитриевича сватают на должность парторга института, и эти сведения имели под собой вполне реальный факт.

Недавно Василий ходил вместе с парторгом института Растеряевым в горком, там собирали активистов по поводу предстоящего VI фестиваля молодёжи. Первый секретарь Волосков Пётр Алексеевич, выступая перед собравшимися, обратил внимание на важность предстоящего мероприятия и сказал, «что партия придаёт ему очень серьёзное значение. Поскольку оттого как мы сможем организовать и провести этот фестиваль, станет известно далеко за пределами нашей необъятной Родины. Ведь к нам съедутся люди со всего мира, корреспонденты различных стран, как из социалистического лагеря, так и западные. А поскольку последние всегда настроены выискивать у нас только плохие моменты, то нам надо постараться и так подготовиться, чтобы омар носа

не подточил, так что нам ни в коем случае нельзя ударить в грязь лицом».

Василия как достойного и тем более знающего английский язык включили в оргкомитет по подготовке и проведению фестиваля. Работы навалилось вдруг внезапно столько, что он еле доползал до дивана поздно ночью и падал без сил. Даже пятилетняя дочка спрашивала у мамы, куда пропал папа? А папа уходил ни свет ни заря и возвращался за полночь. Но ему было это очень интересно. Потому что данная работа предполагала общение с различными людьми, в основном студентами, многие из которых съехались в столицу из других городов для помощи в проведении грандиозного мирового мероприятия.

Там, среди этой пёстрой, молодой спящей и галдящей массы он и увидел её. Он сначала даже не понял, за что же зацепился его глаз. Когда Василий объяснял сформированной группе её задачи, он внимательно глядел на сидевших молодых людей, но глаза вновь и вновь возвращались к сидевшей во втором ряду девушке.

Ничего в ней не было необычным, даже красоты как таковой не наблюдалось, но глаза почему-то притягивало именно к ней. Это потом он понял, что так его примагнитило, да, да, примагнитило к этой девчужке в простом ситцевом платице. А сейчас он был в замешательстве.

После своего выступления он попросил задавать вопросы если кому-либо, что-то непонятно. Взлетевший лес рук его

порадовал и дал возможность более детально объяснить те или иные возникшие вопросы. «Удивительно, – отметил про себя Василий, – вот эта девочка не задала ни одного вопроса».

Завершив так называемую летучку, он спустился со сцены и, окружённый всё ещё задающими разные вопросы студентами, увидев её среди толпы, спросил:

– А у вас, девушка, я гляжу, нет ни одного вопроса. Вам действительно всё понятно или вы стесняетесь спросить?

Девушка покраснела и опустила глаза.

– Э, так не пойдёт! – заметил, улыбаясь, Василий. – Минуточку внимания! – громко сказал он. – Вам предстоит общаться с иностранцами, и вы должны показать образец общительности и некоторой свободы, а закомплексованным этого сделать не удастся. Поэтому я объявляю, что завтра мы с вами начнём учиться, то есть будем разыгрывать сценки, имитируя различные ситуации, которые могут возникнуть на фестивале. А на сегодня всё, все свободны.

Тёплый летний вечер, предстоящее грандиозное мероприятие – всё это вкуче будоражило воображение, тревожило душу. Василий предложил замешкавшейся девушке прогуляться, а заодно и провести мини-экскурсию по столице. В списке студентов он уже поглядел её фамилию и инициалы, но решил познакомиться в неформальной обстановке.

– Давайте уже с вами познакомимся, – сказал он, когда они вышли из здания и направились в сторону Красной пло-

щади.

– Тоня, – просто сказала она и встала, потупив взор.

– А меня зовут... э-э-э, – запнулся вдруг он, думая, говорить отчество или нет. Если общение предполагает неформальную обстановку, то как бы и отчество ни к чему. Но она всё же под его руководством. Протягивая ей руку, он вышел из затруднительной ситуации. – Вне нашего мероприятия можете звать меня просто Василий. Я не возражаю. Ну как, идёт? – пожимая нежную руку девушки, он старался заглянуть ей в глаза.

– Тоня, не будьте такой букой, посмотрите по сторонам, какая красота! Отбросьте стеснения, мы же с вами не где-нибудь... – он опять запнулся, подыскивая пример. Но слов не нашёл и тогда сказал. – Вокруг люди, гляди, все идут, кто с работы, кто-то гуляет, как мы. Все заняты, никто не обращает внимания на нас. – А про себя подумал: «Наверно стесняется своей бедности. Вон, платице простое, а на ногах не пойми что, толи калоши, толи самодельные тапки. Надо бы на днях зайти с ней в магазин и приодеть её».

Взяв её под ручку, Василий повёл её по брусчатке к мавзолею. Затем они прошли вдоль стены и подошли к храму. Тоня удивлённо слушала краткий рассказ Василия обо всех достопримечательностях и думала: «Как же хорошо им, живущим здесь. В самом сердце могучего СССР. Каждый день соприкоснуться с великой историей, вдохнуть этот воздух грандиозных событий. И вообще...» Что же вообще, она не успе-

ла додумать, так как её перебил Василий.

– Ну что, зайдём в ресторан, может быть? А то я уже давно голоден, да и ты, я думаю, есть хочешь.

– Нет, что вы, – встrepенулась она. – Нет, я не голодна, да и нас кормят хорошо.

– Так ты уже и опоздала на ужин. Вот же я не догадался раньше то. Ладно, пойдём я тебя провожу в общежитие, а по пути что-нибудь купим.

На следующий день всё было прекрасно. Василий разбил всех студентов на группы и стал давать вводные. Те, кому досталась роль иностранных гостей, должны были задавать любые вопросы, а «наши», то есть помощники принимающей стороны, должны были в кратчайшие сроки, находить ответы и помогать в затруднительных ситуациях.

Студентам очень понравилась такая игра, они, весело и с задором исполняя порученные им роли, иногда начинали дурачиться. Для их группы выделили красный уголок университета и поселили всех в пустующие летом комнаты общежития. Сидя в первом ряду зала, Василий с интересом глядел на весёлую молодёжь. Но, вот опять он увидел её и тело прожгло каким-то разрядом. Лицо у Тони светилось, а сама она, играя роль иностранки, подбирая слова, пыталась что-то спросить. А собравшиеся вокруг помощники, перебывая её, пытались угадать, что же ей надо. Это было так смешно, что все в зале, держась за животы, хохотали.

– Пойдите, пойдите, – смеясь встал Василий. И подой-

дя к сцене сказал. – Всё это хорошо для сцены. Даже мне кажется талантливо, но мы с вами призваны не смешить людей, а помочь попавшему в затруднительное положение иностранному гостю. Поэтому я вас прошу перестать дурачиться и собраться, чтобы серьёзно прорепетировать этот эпизод.

Время, тянущееся бывает иногда как черепаха, в общении со студентами улетало как комета. Вот и сегодня день пролетел на одном дыхании. Посмотрев на часы, Василий хлопнул в ладоши и сказал:

– Всё! На сегодня достаточно. Все свободны. Антонина, выходя, робко взглянула на него. – Тоня, можно тебя! – нарочито громко сказал он.

– Да, я вас слушаю Василий Дмитриевич. – Подождав пока схлынет масса, Василий подошел к ней в дверях и взял за руку.

– Тонечка, – вдруг дрогнувшим голосом сказал он. – Не уходите, пожалуйста, мне необходимо кое-что вам сказать.

Затворив свободной рукой дверь, он повёл её к сцене. Взойдя по ступенькам, Василий сел на один из стульев у длинного стола и, притянув девушку, обнял её. Она не сопротивлялась, но сквозь тоненькое платице ощущался трепет её тела. Василий опустил свои руки и провёл ладонями снизу, от икр и, взяв упругие её ягодички, он почувствовал, как забилося бешено у него сердце. «Вот ещё, – подумал он. – Прямо как в первый раз».

Тоня опустила свои руки ему на плечи и, запустив свои пальцы в его волосы, вздохнув прижала его лицо к своей груди. Его как прорвало. Будто в него вселился бес. Василия колотило, руки у него тряслись, дыхание прерывалось, будто после долгого бега. Он подхватил её и, усадив на стол, стал стягивать с неё трусики.

– Милая, милая, милая, – дрожащим голосом повторял он. – Я не знаю... Я не могу... Я хочу... Мы должны... <...>¹.

Страсть утихла. Василий поднялся и встал на колени, поднял левую руку и поглядел на часы, они показывали 4 часа 15 минут утра.

Повернув голову, он увидел на заднике портрет генсека. Никита Сергеевич, хитро прищурившись, как бы намекал: «Эх ты, а тебя ещё в парторги института рекомендовали. Ая-яй. Нехорошо как-то. Нет чтобы как все люди – на кровати, так нет же – на столе, где принимаются важные решения. Людей в партию принимают. Ничего святого нет».

Сев на столе, Василий надел рубашку, затем, соскочив на пол, натянул брюки и, заправившись, подошёл к лежавшей на боку Тоне. Наклонившись, поцеловал. Сказал, чтобы одевалась. Она медленно оделась. Василий помог ей. Затем, сев на стул, посадил её к себе на колени. Стал гладить, снова целовать.

¹ Здесь и далее текст публикуется в сокращённом варианте в соответствии с Кодексом РФ.

– Сейчас иди спать, милая, на занятия можешь не приходиться. Отдыхай, а вечером встретимся. Хорошо?

– Да, – дрожащим, тихим голосом ответила она.

– Всё, иди. – Они встали.

Подождав, пока Тоня уйдёт, Василий встал, спустился со сцены и подошёл к плотно зашторенному окну. Отодвинув ткань, он увидел за стеклом светлое летнее утро. Вздыхнув, он подумал: «Что же сказать жене? Ладно, домой не поеду, по телефону часов в восемь позвоню, что-нибудь придумаю».

Антонина, тихо войдя в комнату, увидела, что все соседки сладко спят. Она быстро скинула платье и скользнула под простыню. Сладко потянувшись, она закрыла глаза. Какие-то новые, необычные ощущения колыхали её душу. Этот молодой и красивый мужчина – Василий Дмитриевич. Статный, умный. С первого дня все девчонки были очарованы им. Между ними только и разговоров было, что вот кавалер так кавалер. Все тайком вздыхали, некоторые пытались обратить на себя внимание всякими способами. Но он выбрал её, Тоню. И все удивились. Самая красивая в их группе Маша Пермьякова, возле которой вился шлейф поклонников, так и сказала, чтоб все, в том числе и Тоня, услышали: «То же мне – ни кожи, ни рожи. Что мог найти в ней такой красавец мужчина? Может, она приворожила его чем?». – «Вот дура», – засыпая, подумала она.

Утром, позавтракав в буфете, Василий позвонил домой.

Трубку взяла жена Наталья. И тревожным голосом спросила:

– Ты где? У тебя всё в порядке?

– Не волнуйся, – нарочито бодрым голосом ответил он. – Вечером приеду, всё объясню, а сейчас нет времени. Ну, давай, целую, любимая. – И он положил трубку. Облегчённо вздохнув, Василий радостно потёр ладони. – Ладно, что-нибудь наплету вечером. Она поверит.

День выдался суетливым. Оставив студентам задание, Василий поехал в оргкомитет на финальное заседание перед открытием фестиваля. В штабе всё гудело и крутилось как в большом улье. На ходу решались, казалось, невысказанные задачи. Василий не успел глазом моргнуть, а стрелки на часах уже показывали восемь вечера.

– Василий Дмитриевич, – обратился к нему руководитель оргкомитета Лев Валерьянович. – Сегодня весь актив переходит на круглосуточное дежурство до особого распоряжения. Завтра, сами понимаете, какой день. Поэтому, всем разрешается сейчас съездить домой, помыться там, переодеться, с родными повидаться, – он грустно улыбнулся, – ничего, Василий Дмитриевич, после отдохнём. Так что, давайте пока отложите свои дела, потом приедете, доделаете.

Василий приехал домой осунувшийся. Жена, увидев его, удивлённо вскрикнула:

– Мама родная! На кого ты похож? Ты в зеркало глядел?

– Ой, прекрати мать, – обнимая и целуя жену, устало сказал он. Давай лучше поедим, а то с утра только чаю с бутер-

бродом попил и всё. Потом я мыться, дай свежую рубашку...

– Ты что, опять уходишь?

– Милая, с сегодняшнего дня мы на казарменном положении. Может, даже не смогу и вырваться, пока не закончится фестиваль.

– Ты что, серьёзно?

– Серьёзнее не бывает, – садясь за обеденный стол, сказал Василий, наливая себе чай.

– Странно... Вы что там ночью-то делать будете?

– Эх ты, Наташа. Ночью-то как раз и легче всего вопросы разные решать. Всех можно найти и пригласить.

Из комнаты прибежала весёлая дочка Ксения.

– Папа, папа! Ты сегодня считаешь мне сказку?

Василий посадил дочку на колени и стал гладить её по головке:

– Нет, милая моя принцесса, сегодня папа ещё поедет на работу, а потом будет большой праздник. А когда праздник пройдёт, папа станет свободным, и мы все вместе, я, мама и ты, поедем в отпуск на море. Ты хочешь поехать на море?

– Конечно! – весело захлопала девочка в ладоши.

– Ты что это, серьёзно? – спросила супруга, наливая ему суп с фрикадельками.

– Да. Сегодня первый сам подошёл и обрадовал. Так и сказал: «Хочу вас обрадовать, после фестиваля получите путёвку в санаторий с семьёй, а после с новыми силами возьмётесь

за новую должность».

– Это за какую? – не поняла Наталья.

– Ну я же тебе говорил – парторгом института буду.

– А как же научная деятельность? Ты же хотел...

– Перестань, Ната. Больше, чего я смогу добиться в институте, это должность директора. Всё, это потолок. А по партийной линии я смогу гораздо большего достичь. Тем более, отец обещал помощь. И потом, что мне мешает отложить науку, а потом с большим запасом заслуг и авторитета с лёгкостью защитить и кандидатскую, и даже докторскую?

Перед тем как поехать в штаб, Василий решил встретиться с Тоней. Выйдя на улицу, он подошел к телефону, чтобы позвонить в общежитие. На том конце провода бдительная вахтёрша стала допытываться, кто звонит, но он не стал уворачиваться, а, назвав свою фамилию, сказал, что это важно. Договорившись с Тоней о месте встречи, он, радостный, помчался в метро.

Встретились они недалеко от общежития в парке. Василий нетерпеливо схватил Тоню за руку, и они сели на лавочку. Обняв и прижав её к себе, он стал целовать её русые волосы. Его снова будто обожгло, и внутри стала разгораться страсть. Его начало колотить.

– Тонечка, милая, как я соскучился по тебе, – задыхаясь, бормотал он. – Я не знаю, что со мной происходит. На меня будто безумие снизошло. Я не хочу с тобой расставаться,

но надо. Мне надо идти. Давай завтра или послезавтра бросим всё к... – он запнулся. – Нет, что же делать. Пока не закончится фестиваль, у нас не получится встретиться. Милая, я не могу без тебя. Давай, как только у меня появится свободная минутка, я тебе позвоню, хорошо?

– Хорошо, – тихим голосом ответила она и влюблёнными глазами посмотрела Василию в лицо. Он жарко поцеловал её в губы, потом нервно посмотрел на часы и вскочил.

– Пошли, милая, проводишь меня до конца аллеи. Тоня встала. Василий обнял её за тонкую талию, и они пошли к выходу из парка. А навстречу и следом фланировали конкурсицы. Тоня, краснея, опустила лицо и шла неверным шагом. Василий же не замечал вокруг ничего. Он смотрел только на неё, на предмет скорее не обожания, а вожеления.

Фестиваль стал испытанием для многих, особенно для организаторов и участников. Василий за две недели вымотался, и нервы его были на пределе. За всё это время он только один раз смог встретиться со своей неожиданно обрётённой страстью. Утром, после одной из более спокойных ночей, Василий, дозвонившись, пригласил Тоню в кафе. Заказав такси, он подхватил ожидавшую его девушку и повёз её первым делом в магазин.

– Куда мы едем? – поинтересовалась Тоня.

– Я решил сделать тебе подарок, – обняв её и целуя в висок, сказал заговорщически Василий.

– Какой? – подняв голову и посмотрев ему в глаза, она

прикоснулась нежно губами к его небритой щеке.

– Это пока тайна за семью печатями, милая моя девочка, – и он, возбуждаясь, стал целовать её лицо. Василия опять начало трясти, и он зашептал. – Господи, что же это со мной происходит? Только не сейчас, только не здесь, в этой машине. Моя ты сладкая, я не могу себя сдерживать рядом с тобой! Да что же это за наваждение? Ты меня очаровала или околдовала. Признайся, Тоня, ты колдунья? Со мной ничего раньше подобного не случилось. Это какое-то безумие?! – Шептал возбуждённый Василий, повалив на сиденье, тиская и целуя Тоню. Машина остановилась. Водитель, молча, ожидал дальнейших указаний и тактично не мешал двум влюблённым, ёрзавшим на заднем сиденье. Василий, преодолев обуявшее его желание, приподнял голову и, увидев, что они прибыли к назначенному месту, сказал водителю:

– Вы ожидайте, а мы пойдём, кое-что заберём и быстро вернёмся. – Выйдя из автомобиля, он обошёл машину и, открыв другую дверцу, подал Тоне руку. Она, засмушавшись, стала сама выбираться, но Василий всё равно подхватил её под острый локоток, и, осторожно поддерживая, вывел на тротуар, другой рукой захлопнув массивную дверь автомобиля. Поддерживая Тоню под ручку, он подвёл её к какой-то двери и постучал. Дверь, щёлкнув изнутри щеколдой, бесшумно отворилась. Оглядев их, человек за дверью приоткрыл её шире и впустил пришедших внутрь. Мужчина, открывший им, негромко сказал:

– Вероника Юрьевна вас ждёт.

Они прошли по широкому коридору, свернули направо и Василий постучал в массивную светлую дверь. Сказав Тоне, чтобы ожидала, сам отворил дверь и скрылся внутри. Через некоторое время туда же вошла женщина лет сорока. А обратно она уже вышла с Василием.

– Пойдём, – коротко позвал он Тоню. И они опять пошли петлять по длинным коридорам. Подойдя к одной из железных дверей, женщина ключом открыла её и вошла первой. Василий, взяв Тоню сзади за плечи, подтолкнул её вперёд.

Это было какое-то невероятных размеров помещение. Тоне оно показалось громадным. И везде стояли стеллажи, до самого потолка заставленные коробками и ящиками. Далее шли вереницы стоек, на которых на плечиках висели шубы, пальто, костюмы, женская одежда, мужская. Далее виднелись стеллажи с рулонами тканей и ковров. Тоня встала, удивлённая увиденным.

– Так, – деловито сказала женщина, подойдя к столу и беря какую-то бумажку. – Размеры какие? – опять спросила обыденным голосом она. Василий посмотрел на Тоню.

– Это тебя спрашивают.

– Меня? – оробела она.

– Ну, да! – Василий взял её за руку и подвёл к столу. – Ты знаешь свои размеры одежды, обуви, головы?

– Тоня стояла в замешательстве.

– Понятно, – уверенно промолвила завскладом. – Для нас

это не является неразрешимой задачей. – Она ещё раз внимательно поглядела на стоящую в смущении девушку. – Ну что ж, пошли. – И повела их вдоль рядов стеллажей.

Нагнувшись, она ловко подцепила крышку одного из ящиков и вынула оттуда картонную коробку. Подав её Василию, женщина сказала:

– Подержите, – и нагнулась к следующему ящику. Прodeлав то же самое, она сказала: – Пойдёмте, померяете.

Вернувшись к столу, она раскрыла одну коробку, вынула из неё туфли и поставила их на стол. Раскрыв другую коробку, она достала ещё одни туфли. Антонина смотрела на всё это как на чудо. Для неё, простой девушки, такое изобилие было сказкой. К тому же туфли были действительно прекрасные.

– Ну, что, – обратился к ней Василий, – давай померь. Какие выбрала?

Она ещё не верила, что всё это не сон, а реальность.

– Эх, – вздохнул Василий и, взяв со стола крайнюю туфлю и верхнюю картонку от коробки, наклонился. Положив картонку на пол, он поставил на неё обувку. – Давай Тоня, шевелись уже, а то у меня времени в обрез. Выбирай, и пошли дальше.

Тоня выпростала правую ногу из своих растоптанных чёбот и легко просунула её в удобную лодочку. Нога вошла и замерла, как младенец в доброй люльке. Они, эти туфли, понравились ей сразу.

– Ну как? – спросил Василий. – Как раз?

– Да.

– Нравятся?

– Да.

– Берём?

– Да.

– Всё. Пошли дальше.

Завскладом убрала вторые туфли в коробку и отодвинула на край стола. Тоня сняла с ноги понравившуюся ей туфлю и чуть было не поцеловала его от радости. Такой он был красивый и ладный. Протянув его Василию, она посмотрела на женщину.

– Ну, айда к платьям, красавица?

Антонина внимательно, пытаясь угадать, с издёвкой или нет говорит та, глядела ей в лицо.

– Пошли, пошли, юное, незрелое, – улыбаясь по-доброму, сказала женщина и пошла вперёд.

Сняв с длинной штанги несколько платьев, завскладом намётанным глазом поглядела, затем приложила одно, потом другое к Тониной груди и сказала:

– Вот это, рекомендую. Поверь мне. Это тебе подходит. А если хочешь, надень, вон и зеркало есть.

– Давай, давай, надень, я тоже оценю, – предложил Василий.

Тоня зашла за шторку и, быстро скинув своё старенькое платье, облачилась в новое. Выйдя, она замерла. Василий

восторженно крикнул:

– Ого! Ты прям принцесса! – и, обращаясь к женщине-зав-складом, сказал: – Ну вы даёте! Не зная размеры... я просто поражён, вы настоящий профессионал!

– А что вы хотели, я двадцать лет этим занимаюсь. У меня столько благодарностей. Даже Почётная грамота есть, сам Калинин в Кремле вручал. Вот так.

– Большое вам спасибо, – поблагодарив её, Василий стал укладывать обновки в пакет и, завязав, взял Тоню под ручку. Та, покраснев, запинаясь тоже поблагодарила, и они пошли на выход. Уже в такси она спросила его:

– Вась, а что это? Вроде склад или магазин? Не пойму я?

– Да тебе незачем голову забивать этим. Подрастёшь, всё узнаешь. – Снисходительно ответил он.

– Нет, так не пойдёт, – упёрлась она. – Если ты мне не объяснишь сейчас же, то я не возьму эти подарки. У меня какое-то нехорошее предчувствие.

– Ладно, – понизив голос, он склонился к самому её уху. – Партийным работникам, различным знаменитым людям, ударникам труда существуют некоторые поощрения в виде небольших продуктовых наборов, а также одежды и прочих предметов быта. Таким образом, государство пытается поддержать и отблагодарить лучших людей страны. Которые отдают ей, не жалея, все свои силы.

Успокоив девушку, Василий завёз её в общежитие, времени на поход в кафе уже не было.

Фестиваль бурлил днём и ночью. Толпы молодёжи водили хороводы, пели песни и общались, порой не зная языка друг друга. Но это нисколько не мешало понимать искренние улыбки, крепкие рукопожатия и страстные объятия.

Уже после церемонии закрытия он помчался в общежитие, где, как он знал, уже собирали свои пожитки студенты и отправлялись на вокзал, чтобы уехать домой. В общежитии он их уже не застал и, выскочив, удачно поймал подвернувшееся такси.

– Гони на Курский, – задыхаясь, крикнул он водителю, плюхнувшись на заднее сиденье. Водитель покосился – видно было, что пассажир не простой работяга. – Ну, что думаешь, заплачу за скорость, не переживай. Давай гони!

И водитель, услышав, что всё будет хорошо, нажал на газ. Рассчитавшись с таксистом, Василий вбежал в вокзал. Поискав среди пассажиров группу студентов и не найдя, он подбежал к справочному окну.

– Скажите, а на Горький поезд ещё не ушёл?

– Пока ещё нет, но посадка заканчивается, так что поторопитесь, мужчина, осталось пять минут, – сурово ответила из-за стекла немолодая расфуфыренная дама.

Выбежав на перрон, Василий остановился. Он сразу увидел её – его страсть. Посадка закончилась, и возле дверей вагонов стояли лишь провожающие да проводники в форменной одежде. Тоня стояла и смотрела с надеждой в его сторону. Увидев его, она кинулась ему навстречу. Обнявшись, они

стояли с колотящимися сердцами и молчали. Вдруг Василий опомнился.

– Тоня, – возбуждённо заговорил он. – Ты должна забрать из вагона вещи, ты сегодня никуда не поедешь. Завтра, завтра я куплю тебе билет и посажу на поезд. Этот день и ночь мы должны провести вместе. Немедленно иди, забери свои вещи. Потом я всё объясню, – торопил её Василий, подталкивая к вагону.

По громкоговорящей связи объявили отправление. И Тоня в самую последнюю минуту выскочила со своим чемоданчиком на перрон из тронувшегося вагона. Из окон стали выглядывать удивлённые, с широко открытыми глазами студенты. Кто-то, улыбаясь, махал рукой. Кто-то что-то кричал через закрытое окно. А поезд, набирая скорость, покачивая боками, медленно удаляясь, сворачивал на стрелки, где закрипел и, изгибаясь как гусеница, уполз, скрывшись за чередой столбов и различных конструкций.

Василий и Тоня стояли и глядели на уходящий состав и молчали. Наконец Василий, выдохнув, сказал:

– Ну вот, теперь мы с тобой до завтрашнего утра вместе. Сейчас возьмём такси, заедем в магазин и поедem к нам на дачу.

Дача принадлежала родителям Василия. Это был старый деревенский дом, сложенный из брёвен. Сама деревенька состояла из трёх десятков разномастных домиков. Вокруг густо рос лес, преимущественно еловый, а дорога, по которой

влюблённые ехали, петляла между холмами и перелесками. Миновав по хлипкому мосту неширокую речушку, машина выскочила на просторную деревенскую площадь. Выгрузив корзинки с припасами, Василий открыл покосившуюся калитку и, поведя рукой, пригласил Тоню в гости:

– Милости прошу к скромному шалашу.

Антонина легко прошла по густой траве, которая покрывала весь участок от калитки до крыльца и, взойдя на первую ступеньку, повернулась к Василию.

– Вась, а ты меня любишь? – спросила она и щёки её зарделись.

– Что значит «любишь»? – подойдя к ней, остановился тот. – Я тебя обожаю. Я жить без тебя не могу. Я все эти две недели только о тебе и думал. Я больше ни о чём не мог думать. У меня какой-то паралич мозговой случился. Я думал, что с ума сойду без тебя.

– Значит, мы с тобой будем теперь всегда вместе? – положив ему свои руки на плечи, Антонина посмотрела пристальным взглядом.

– Ну, ты чего, Тонь, давай в дом войдём, всё приготовим, а потом серьёзно поговорим, а то как-то неудобно на улице...

– Ты уходишь от ответа.

– Тоня, не всё так просто, как тебе кажется, – стал оправдываться Василий. – Я женат, ты это знаешь, и потом, у меня ребёнок. У меня серьёзная работа. Я же не могу вот так просто всё бросить и с тобой начать жить. Ты просто по молодости

сти лет не представляешь, что начнётся, если я решу развестись с женой и жениться на тебе! Давай не будем рушить то, что есть у нас сейчас? Ты учишься, на следующий год, когда ты станешь старше, мы вернёмся к этому вопросу, а сейчас – давай, милая, проведём это время с пользой. Чтобы потом, в разлуке, мы долгими вечерами вспоминали это незабываемое время с любовью и теплотой.

Антонина убрала с его плеч руки и, поднявшись на крыльцо, грустно сказала:

– Какая я дура.

Василий поднялся следом, достал ключ и отпер замок. Пропустив её вперёд, он хотел затворить дверь, но от калитки послышался женский голос.

– Здравсьте вам! Доброго дня, Василий Дмитриевич! А я-то увидала машину, ну и думаю, ваши батюшка с матушкой пожаловали.

Василий обернулся.

– А, Полина Тимофеевна! Здравствуйте! Это я! На денёк решил заглянуть. Устал очень. Тут фестиваль в столице, так я там как не знаю кто умаялся. Вам, может, чего надо?

– Да нет, мне папенька ваш аккуратно платит, так что я всегда, хоть днём, хоть ночью, приглядываю за домом. Ну, отдыхай милой. Ежели там чего, молочка, иль капустки с помидорками, так забегай. Я всегда зараз. Прямо с грядки вон, укропчик, а то и картошечки, а? Не стесняйся, я и приготовлю вон в печи, эх, пальчики оближешь. – И она, махнув ему,

улыбаясь, пошла к себе.

– Ну что, – входя в кухню, начал энергично Василий. – Давай, разбирай пакеты, а я печь разожгу, надо ведь курицу запечь.

– А где курица? – удивлённо встала, глядя на него, Тоня.

– Как где? На улице бегают.

– Ты что, пойдёшь ловить её?

– Вот тоже придумала. Сейчас соседка принесёт. – Скинув пиджак и развязав галстук, Василий набросил на плечи тёмно-синий сатиновый халат и, вытащив из-за печи топор, вышел из дома.

Когда приготовления были закончены, было уже около полуночи. Василий и Тоня, уставшие, сели за накрытый стол.

– Что тебе налить? – он посмотрел на подпершую рукой подбородок грустную Тоню.

– Не знаю, мне всё равно, – ответила она.

Когда они поехали из города, то по просьбе Василия заглянули в какой-то магазин и он, как уже в предыдущий раз, постучав в запертую дверь чёрного входа, скрылся ненадолго, а затем появился с полной корзинкой. Погрузив её в багажник, они рванули в деревню. В корзинке был упакован довольно приличный продуктовый набор. Антонина, распечатав его и накрывая на стол, удивлялась. Бутылка шампанского, дорогое вино, на этикетке она так и не смогла прочитать вязь незнакомых букв, копчёная рыба, консервы, лимон, яблоки и даже клубника. Она поразилась.

– Налей мне немного вина, – попросила она.

– Это не вино, это французский коньяк, милая.

– Вот как?! Тогда налей шампанского.

Василий ловко открутил проволочное крепление и пробка, хлопнув, ударила в потолок, затем отскочила и, ударившись в окно, скатилась на пол.

– Давай, Тонечка, выпьем за нас! – подняв стакан, произнёс Василий. – Ты, может быть, будешь смеяться, но я, когда увидел тебя в первый раз, как будто сдурел. Не могу объяснить, но во мне что-то будто воспламенилось, вспыхнула такая безумная страсть, я не мог себя сдерживать. И, если бы не вынужденная временная разлука, то я не знаю, что было бы со мной.

– А сейчас, что же, утихла страсть? – поднеся стакан к глазам и разглядывая пузырьки, которые возникали вдруг и, выскакивая на поверхность, лопааясь, брызгали мелкими каплями, спросила Тоня.

– Ты чего, обиделась? Давай выпьем и поговорим как взрослые люди. Я тебе всё сейчас объясню. Ну, давай, – и Василий быстро осушил полный стакан. – Газировка! Лучше я выпью коньячку. – Он налил себе из красивой бутылки полстакана коньяка, затем взял лимон и, разрезав его на дольки, подцепил одну вилкой. – Ну, что, ты ещё не выпила?

– А я ни разу в жизни ещё не пила, – задумчиво глядя на Василия, сказала Тоня.

– Давай, – он протянул к ней стакан и, чокнувшись, быст-

ро выпил. Затем кинул дольку лимона в рот, сморщил смешную мину.

А она про себя подумала: «Вот для чего, оказывается, эти самые лимоны нужны». Вздохнув, она выпила своё шампанское и, выдохнув, засмеялась.

– Вот же зараза, и в нос шибануло, и в голову! Уже пьяная я. Сейчас песни петь начну.

– Ты сначала покушай, – заботливо разрезая курицу, сказал ей Василий. – Вот ещё балык, – и он стал ей подкладывать в тарелку заготовленные закуски. Подливая ей понемногу искрящегося напитка, Василий добился своего. Девушка с непривычки опьянела, и серьёзный разговор свёлся к банальным фразам «Ты меня любишь?» или «Я тебе не верю». Видя, что результат достигнут и можно расслабиться, Василий снял рубашку и остался в майке. Тоня заплетающимся языком пыталась спросить что-то. Но выходило смешно, и она сама даже, немного понимая это, начинала хохотать. Посмотрев на часы, он покачал головой. Стрелки показывали три часа ночи. Встав из-за стола Василий подошёл к сидящей и о чём-то бессвязно болтающей Тоне, подхватил её на руки и, поднеся к кровати, уложил. Она неловко подхватила и, опершись руками, посмотрела удивлённо на него.

– Т-ты чего? – она смотрела, как он снял майку, затем расстегнул ремень на брюках. Сняв трусы, Василий встал и, опершись руками в кровать потянулся к ней, полулежащей с растрёпанными волосами, осоловевшими глазами, глядя-

щими на происходящее. Дотянувшись до её лица, он припал своими губами к её шевелящимся алым и притягательным устам.

Затем, запрыгнув на кровать, он с нетерпением стал стаскивать с девушки платье. Страсть, будто где-то до этого таившаяся, вдруг вырвалась и захватила всё его существо. Он опять, как и в первый раз, обезумел. Но теперь уже весь процесс пошёл по накатанной дорожке. Тропа была проторена им самим. Вожделение сменилось экстазом. Он словно занырнул в какой-то пьянящий волшебный водоём. Одурманивающее нечто заволкло разум, и он как безумный стонал, рычал, мял юную податливую плоть. С яростью он совершал какой-то неведомый ему самому ритуал, пытаясь вогнать, вбить как можно глубже всё своё существо в лоно горячей женской, разверзшейся вселенной.

Упав без сил, Василий мгновенно отключился. Напряжение, копившееся все эти дни, спало. Оно как горячий поток лавы, шипя и брызжа, низверглось в бездну холодного океана, унося страсть. Он плыл в пустоте, ему было так хорошо, что, казалось, это и есть верх блаженства, нирвана. Ничего вокруг не было. Только золотистый окружающий его свет. Куда и зачем он плыл в этой среде, ему было не важно. Главное, его окружал покой.

Внезапно состояние покоя нарушилось, золотистая среда завибрировала и сморщилась. Вокруг пошла рябь, будто на зеркальную поверхность спокойного водоёма налетел ве-

терок.

– Ну, вставай же, вставай! – стоя возле кровати, тормошила его Тоня. – Вася! Проснись!

Он еле разлепил пустые глаза.

– Что-то случилось? – пересохшим ртом спросил он, не двигаясь.

– Я на поезд опоздаю. Вставай же, давай собираться будем.

– Сколько времени сейчас? – опять прохрипел Василий.

– Время сейчас полчетвёртого. А поезд в пять часов. Нам ведь надо ещё билет купить, всё это время займёт. Ну, вставай же!

– Не суетись, я всё сделаю, и ты уедешь. Не опоздаешь, дай-ка лучше попить. Во рту всё пересохло. – Он поднялся и, спустив ноги с кровати, сел, опустив голову.

Антонина, загремев в сенях вёдрами, принесла ему деревянный ковшик с водой.

– Фу, – выдохнул он. – Тёплая. На, возьми, спасибо. – Не стесняясь своей наготы, он встал и пошёл на двор. – Пойдём, – сказал он Тоне.

– Ты куда в таком виде? – опешила она.

– Куда, к колодцу. У нас знаешь какая вода холодная. Пошли, польёшь мне.

Они вышли из дома, и Василий быстро, раздвигая кусты вишни, стал пробираться вдоль стены. Они свернули за угол и перед взором Тони предстал довольно большой участок,

засаженный картошкой и ещё чем-то. Посреди всего этого стоял колодец с журавлём. Схватив деревянную бадью, привязанную к длинному шесту, Василий стал опускать её в колодец.

– Вот же, – вспомнил он, – совсем забыл, принеси, пожалуйста, ведро и полотенце, что на верёвке висит возле печки.

Тоня пошла обратно в дом, а он тем временем стоял обнажённый посреди огорода, собираясь с мыслями. Копавшаяся на своём участке соседка, разогнувшись и увидев сквозь кусты вишни белое, ладно скроенное тело молодого мужчины, перекрестилась.

– Вот же красавец, прости меня господи.

Собравшись, заперев дом, они вышли за калитку.

– Подожди, я сейчас, – Василий пошёл к соседскому дому. Попрощавшись с вышедшей Полиной Тимофеевной и дав кое-какие указания, он вернулся к стоявшей с корзинкой и чемоданом Тоне.

– Наказал, чтобы траву покосили вокруг дома да приглядывали. Хотя соседи хорошие, всегда помогают сами, без всяких напоминаний. Ну что, пошли? Нам надо торопиться. Ещё нужно добраться до шоссе, а там как повезёт, сколько времени будем ловить попутку. – И Василий, взяв у неё из рук корзинку, двинулся вперёд широким шагом.

На вокзале, как всегда, царил толчея. Василий огляделся, возле касс змеились длинные очереди и тогда он подвёл Тоню к свободному месту на скамейке, сказав:

– Ты здесь меня подожди, я всё сейчас устрою.

Подойдя к дежурному по вокзалу, он спросил, здесь ли начальник вокзала и как к нему попасть. Дежурный утвердительно кивнул.

– Скажите, что его спрашивает Василий Дмитриевич Меркулов. – Дежурный скрылся в административном помещении. Через небольшое время он, появившись, радушно пригласил войти.

– Он вас с нетерпением ждёт.

Василий вошёл в коридор и отправился следом за дежурным, оглядывая с интересом обстановку вокзальных служащих. Подведя к кабинету, дежурный указал рукой и вежливо сказал:

– Вот, пожалуйста, Василий Дмитриевич.

Василий энергично открыл дверь и вошёл в просторный кабинет. Из-за массивного стола, заставленного всевозможными приспособлениями, встал в чёрной форме с золотыми нашивками его приятель. Даже больше, чем приятель, они вместе были членами районного комитета партии.

– О! Василий! Друг любезный! Как там фестиваль, понравилось?

– Ой, не говори, замотался я с этим фестивалем, представляешь, дома уже недели две не был.

– А я ведь тоже хотел, помнишь, на том райкоме как я изъявил желание, но наше начальство ни в какую. У вас, говорят, не менее важная миссия, так мне НОД и сказал «мис-

сия», вы на своём рабочем месте принесёте пользы гораздо больше, чем там, где вы будете дилетантом. Поскольку на дорогу ляжет большая нагрузка с приёмом и размещением, а потом и отправкой гостей. Ой, что это я, прости, Василий. Ты, наверно, по делу, а я тут со своими измышлениями.

– Помощь твоя нужна. Билет срочно один нужен до Горького, поезд через пятнадцать минут отправляется, и у нас нет времени.

– Я тебя понял, – сказал Пётр Иванович и, отодвинув кресло, подошел к своему пульту. Нажав какую-то кнопку, он сказал: – Михаил Борисович, срочно зайдите ко мне. – Не успел он разогнуться и выйти из-за стола, как дверь распахнулась и на пороге появился дежурный вокзала. Показав на Василия Дмитриевича, Пётр Иванович сказал голосом, не предполагающим возражения. – Проводите Василия Дмитриевича, – он посмотрел на него, – ты сам едешь?

– Нет, девушка.

– Проводите Василия Дмитриевича с девушкой на Горьковский и посадите её по моей брони. Выполняйте! А ты, – он обратился к Василию Дмитриевичу, – после зайдёшь?

– Ой, что ты, Петр Иваныч, я ж тебе говорил, дома не был две недели. Не знаю, как буду оправдываться перед супругой. Да и дочь соскучилась. Я потом тебе позвоню, дорогой, хорошо? А за помощь спасибо! – И Василий, пожав руку своему приятелю, пошел быстрым шагом за дежурным.

Выйдя в зал ожидания, Василий сказал дежурному, чтобы

подождал и побежал к ожидавшей Тоне.

– Пошли давай, на поезд! – крикнул он.

– Ты купил билет? – поднимаясь, спросила она.

– Да, да. Всё купил, побежали быстрее, пять минут осталось.

Возле штабного вагона дежурный их попросил подождать, а сам поднялся в вагон. Через минуту он спустился по ступенькам в сопровождении мужчины.

– Вот, – представил он, – это начальник поезда, – заходите, девушка он вам всё расскажет.

Тоня обернулась и, обвив свободной рукой шею Василия, поцеловала его в губы. – Прощай, – сказала она, вздохнув, и стала подниматься по ступенькам в вагон. Где-то впереди состава свистнул локомотив, и поезд тронулся.

Вторая глава

Василий взял такси и поехал домой. Внутри у него было пусто. Дома никого не было, что оказалось кстати. «Жена с дочкой, по-видимому, ушли гулять, – решил он. Скинув одежду, Василий пошёл в ванную. Забыв совсем про время, он неожиданно осознал, что супруги с дочкой нет уже довольно давно. Поглядев внимательно на часы, затем на порядок в квартире, Василий сел в кресло и задумался. Время показывало девять вечера. – Да, совсем я замотался, да эта ещё... прямо какая-то одержимость. Надо было вчера перед этим... да... Вот же... Позвонить надо было домой, хоть пару слов сказать. Где же она, черт возьми? Так, спокойно. Надо позвонить отцу, ему тоже уже две недели не звонил. Прояснить обстановку». – И Василий набрал номер родителей. Трубку взяла мама.

– Что у вас произошло? – сразу в лоб спросила она.

– В каком смысле?

– Ты давай мне не юли, – просто и, казалось, видя его воочию, допытывалась мать.

– Ты где вчера был?..

– Я... ну, мы... это... – стал тянуть резину Василий, пытается что-то придумать, чтобы не проколоться, потому что ещё не было конкретных сведений: что случилось и из-за чего.

– Когда фестиваль закончился? – требовательно спросила

мать.

– Позавчера, – сказал он, усиленно работая мозгами.

– Где ты был со вчерашнего дня?

– Я, мам, сейчас всё объясню, – быстро нашёл вдруг хороший повод Василий. – Вчера после того, как всё закончилось, ты не представляешь, как мы все устали! Просто все сидели и не могли двигаться. И тут замминистра неожиданно всех пригласил на турбазу, сказав, что это «поощрение за наш доблестный труд». Мама, я тебе честно говорю, я был в таком состоянии, у меня просто голова не работала, поэтому я и не позвонил домой. Наташа у вас?

– Нет, она уехала к родителям. – Вздохнув, ответила мать.

– Ладно, мам, всё будет хорошо, ты не переживай, папе привет! Я всё решу. Мы на днях в отпуск на море поедем, так что, я думаю, всё утрясётся. Пока, я тебя целую, родная! – и он положил трубку.

– Ладно, – подумал вслух Василий. – Сегодня отдохнём в тишине и одиночестве, а завтра будем действовать. С утра поеду на работу, там, по-видимому, уже приказ готов на отпуск. Оформлю документы, и тогда поеду мириться. – Он решил разыграть обиженного человека, а там... он был уверен, что его Ната быстро отойдёт. Василий не знал, что, когда он был поглощён бурными страстями на даче, Наталья видела сон.

Зная, что фестиваль закрылся, Наташа прибралась в квартире, приготовила любимые Василием голубцы и стала с ра-

достью ожидать. Но ни до полуночи, ни после муж не появился. Уложив дочку, донимавшую её вопросами «Когда придёт папа?», она бестолково металась по квартире, ждала хотя бы звонка. Но...

Уже перед рассветом, сидя в кресле и беззвучно плача, чтобы не разбудить дочь, она уснула. Отключилась внезапно. Реальность происходящего не вызвала сомнений. Она шла по цветущему полю. До самого горизонта простиралось золотое поле. Цветущая сурепка волнами колыхалась от невидимого ветерка. Вокруг было так хорошо и красиво, но на душе у неё таилась какая-то непонятная тревога. Вот она почувствовала некий дискомфорт и, оглянувшись, увидела, что за ней следом идёт лошадь непонятной масти, но тёмная и задирающая верхнюю губу, обнажая жёлтые зубы.

Ей стало страшно, и она пошла быстрее, ища, где бы спрятаться. Лошадь не отставала. Тогда Наташа побежала, но густая трава как путы сковывала ноги, и, быстро устав, она опять перешла на быстрый шаг. Боясь оглянуться, она чувствовала, что лошадь уже буквально тычет своей мордой ей в спину. Вот она уже стала покусывать ей плечи, а из пасти дохнуло невероятной вонью. Наташа вздрогнула, и, задохнувшись от смрада, проснулась. Сердце её колотилось, а сама она всхлипывала и дрожала.

В тревоге она встала, прошла на кухню, сполоснув лицо под краном, заварила кофе. Немного успокоившись, Ната-

ля посмотрела на часы, они показывали семь утра. Умывшись и приведя себя в порядок, она стала будить дочь. покормив её и наскоро собравшись, она, взяв дочь за руку, поехала к своим родителям.

Антонина, устроившись в пустом купе, села возле окна и, подперев рукой подбородок, стала смотреть в окно. За стеклом мелькали столбы, перелески, ритмично стучали колёса на стыках, и время от времени паровоз издавал свисток. Мысли, до этого беспорядочно путавшиеся, стали роиться и как законченные предложения, складываться в готовый ответ. Они, как строчки у профессиональной швеи, выходили ровными и правильными, и плотными рядами появлялись из-под стрекочущей иглы.

«Пусть, что хотят, то и думают, вон девчонки все обзавидовались». Конечно, такой мужчина, и не им стал знаки внимания оказывать, а ей. Она даже и не думала об этом, и уж тем более ни на что не надеялась. Куда ей, простой девушке из бедной семьи, где одна мать на ферме в колхозе горбатится, а кроме неё, дома ещё трое ртов. Как мать надеялась, что после школы Тоня пойдёт работать и хоть немного станет легче. Но она упёрлась и, уехав в город, неожиданно легко поступила в институт, мечтая стать врачом. Она, за весь год, что провела в городе, ни разу не съездила в деревню, чтобы не создавать неудобства. Ведь мать есть мать, начнёт собирать гостинцы, а Тоня не хотела отрывать и без того кро-

хотные припасы у семьи. Вместо этого она на каникулах пошла в больницу поработать санитаркой. А тут её, как самую прилежную и достойную, включили в состав группы и направили в столицу в качестве помощников при проведении Всемирного фестиваля. Это было просто чудо какое-то для простой девушки из деревни: на целых две недели оказаться в Москве. И в первый же день встретить такого мужчину. И пусть он не напишет, и уж тем более никогда не приедет, как обещал, пока они добирались с дачи на вокзал. Он останется у неё в сердце как самый первый её мужчина, и пусть он не любит её, но с ним она познала настоящее взрослое чувство. Она выучится, и станет известной, и тогда он узнает о ней. – Мечты унесли её куда-то в неведомую даль будущего. Вот она известный врач, учёный, и неожиданно к ней в больницу привозят Его. Он без сознания. У него аппендицит... нет, какой аппендицит? Он же без сознания. Лучше пусть будет сердечный приступ. Когда он приходит в себя, то узнаёт, кто его спаситель. Она приходит в его палату, он падает на колени и...». Что-то щёлкнуло. Тоня очнулась от мечтаний и, повернув голову, увидела в открытых дверях купе девушку с подносом.

– Вот ваш чай, – сказала та вежливо и улыбнулась.

– Но-о... я не просила. – Засуетилась, соскочив с полки, Тоня. – Сколько я вам должна?

– Это вам от начальника поезда, – поставив поднос на столик и уходя, сказала проводница.

На подносе стоял фарфоровый чайничек, стакан в серебряном подстаканнике и два блюда. На одном лежало печенье и карамель, а на другом – яблоки. Взяв с блюда конфетку, Тоня развернула обёртку и бросила карамельку в рот. Потом налила в стакан чаю, села и, отхлебнув, снова задумалась.

«Василий, в общем-то, неплохой мужчина... жаль только, что женат. Но он обещал написать. Вон сколько всего купил, одно платье крепдешинное сколько стоит, а туфли – это вообще какое-то сновидение. Чёрный лакированный носок, кожаный ремешок, а на ноге сидят, будто она родилась в них. Если бы я была ему безразлична, разве потратил бы он столько денег на меня, – наивно думала простушка, не сталкивавшаяся ещё в своей жизни с подобным. – Вон как беспокоился, на поезд посадил и потом денег же дал. Она, правда отказывалась, но Василий свернул купюры и затолкал на дно чемодана в газету, купленную в попавшемся на пути киоске. „Вот, почитаешь, – сказал он, – тут репортаж о фестивале. Только деньги не вырони“».

Попив чаю, Тоня легла на нижнюю полку, и через некоторое время мерный перестук колёс и плавное колыхание вагона сделали своё дело – она уснула.

Утром Василий проснулся бодрым и отдохнувшим. У него было хорошее настроение. Напевая понравившуюся многим новую песню «Подмосковные вечера», которую впервые исполнили на церемонии закрытия фестиваля, он побрился,

позавтракал и, надев модную рубашку, отправился в институт. Он и раньше не всегда ходил на работу в строгих костюмах, но сегодня можно себе позволить немного больше, так как он уже фактически отпускник. И правда, не успел он появиться в институте, как его вызвали в отдел кадров, затем велели зайти в профком, и – покатило время беззаботное и расслабляющее... До обеда Василий даже не заметил, как пролетело время. Весь в хлопотах, он оформил все нужные бумаги, взял билеты на поезд и, купив цветы, и дочке конфет, поехал к родителям жены.

Дверь открыла мать Натальи, Вера Павловна. Приветливо поздоровавшись, она радушно пригласила его в дом. Снимая туфли в прихожей, он нагнулся и в этот момент из комнаты с радостным криком выбежала дочка и повисла у него на шее. Василий выпрямился и, обхватив руками любимицу, стал её целовать, а затем сказал:

– Отгадай-ка, что я принёс моей принцессе?

– Конфеты! – радостно закричала девочка.

Василий поставил ребёнка на пол и вручил ей кулёк шоколадных конфет.

– Ура! Я люблю тебя, папка! – стала подпрыгивать она.

Из комнаты молча вышла жена. Протянув руку, забрала кулёк у дочери и строго сказала:

– Ты что, забыла, что тебе нельзя сладкое, опять хочешь в болячках ходить и коростой покрыться? Давай вон иди, играй в свои игрушки. Не видишь, папе некогда, он всё где-то

пропадает, наверно, завёл себе новую страсть.

Девочка, только что светящаяся от счастья, сморщила личико, подбородок у неё задрожал, а нижняя губка, выдвинувшись вперёд, изогнулась. Из глаз у неё потекли слёзы. Василий положил свободную руку ребёнку на голову и спокойным голосом сказал:

– Ната, возьми, – и протянул букет жёлтых хризантем. – Давай сядем и всё спокойно обсудим. Я ведь не по своей воле всем этим занимался все эти дни. Вера Павловна?! – позвал он тещу. Та выглянула из кухни. – Будьте добры, возьмите, пожалуйста, Ксюшу и погуляйте, а мы поговорим.

– Хорошо, – согласилась та.

Василий присел, обнял дочку и стал ей что-то шептать на ушко. Лицо в слезах стало разглаживаться и девочка, сверкнув глазками, заговорщически кивнула отцу и пошла к бабушке.

Оставшись наедине, супруги некоторое время молчали. Затем Василий, встрепёнувшись, сказал:

– Так, давай поставим все точки над *i*, поскольку у нас мало времени.

– Вот как?! – удивлённо подняла брови жена. – Куда это ты так торопишься?

– Не я, а мы! Ты забыла, что я тебе говорил недавно?

– А что ты говорил? – стала играть Наталья.

– Как только всё это мероприятие закончится, мы едем в отпуск.

– Да-а-а?! – с издёвкой протянула супруга. – А сегодня какой день недели? – Спросила она.

– Сегодня? – не поняв, куда клонит она, переспросил Василий, чтобы выиграть время.

– Да, сегодня? – подтвердила она.

– Ну, сегодня 14 августа, а что?

– Как что? У тебя хватает совести спрашивать «а что»? Тебе не стыдно мне врать, стоя здесь? – Покраснев и задохнувшись от возмущения, выпалила Наталья.

– погоди, я сейчас тебе всё объясню, – подняв правую руку, сказал как можно спокойнее Василий. – Естественно, ты в курсе, что церемония закрытия прошла в воскресенье, но ты ведь не знаешь, что последовало потом.

– Ну-ну, просвети нас, незнаек, – едко поддела жена и отвернулась к окну.

– Ну, так вот, слушай дальше, – обрадовался он, что Наталья не смотрит. – Мы все, уставшие как не знаю кто, просто сидели без сил, и ты не поверишь, даже не было желания двигаться. Так устали. А тут заходит замминистра и приглашает всех на турбазу, отдохнуть и восстановить моральные и духовные силы.

– И вы все сразу соскочили и с радостью помчались, да? И сразу силы появились? И о доме забыл? Забыл, что ребёнок полмесяца отца не видел, жена одна дома скучает и переживает. Всё сразу забыл?!

– Ната, если хочешь знать, то я всё это делаю не ради себя

одного, не ради удовольствия! – пафосно воскликнул он. – Ты сидишь дома, дом полная чаша! Не работаешь, и у нас всё есть.

– Ты меня попрекаешь? Хорошо, я пойду работать.

– Я тебя не гоню, но ты должна понять: партия меня направила на важный участок работы. Доверила мне ответственное задание, мирового масштаба, а я, по-твоему, должен был отказаться и сидеть дома, только лишь, чтобы ты не скучала? Ты хоть понимаешь, что ты здесь говоришь? Я выкладываюсь на работе, в общественной жизни и всё ради вас, моей семьи. Задержался на один день, и уже грандиозный скандал, необоснованные претензии! Да, – Василий умел вести диалоги, – да, я в одном виноват, и эту вину с себя не снимаю: ты права в том, что я должен был позвонить! Нет, я должен был звонить ежедневно! Прости меня, любимая! Давай не будем усугублять ситуацию и раздувать мировой пожар из одной искры, пробежавшей внезапно? – Он подошёл сзади к супруге, обнял её за плечи.

– Хорошо, а где ты был вчера? – Наталья не отстранилась.

– Где? Дома, к вашему сведению, а вот вас – не было! А где же были вы? А? – Наталья промолчала. – Я сегодня уже с утра в бегах весь. Все документы оформил, билеты взял, приехал вот за вами, а тут такое.

Повернув к себе лицом жену, Василий откинул ей прядь волос со лба и, взяв ладонями её лицо, запрокинув вверх, стал целовать.

Вернувшаяся Вера Павловна с внучкой застали спокойно беседующих и пьющих чай на кухне родителей.

– Ну что, принцесса, – Василий поворошил рукой каштановые волосы на голове дочери. – Ты собралась?

– Я?.. только надо домой заехать и куклу мою взять, а то я без неё не поеду.

– Конечно, сейчас мы заедем домой, соберём вещи, и только после этого поедем. – Утвердительно сказал он. – Так что, Вера Павловна, мы сегодня уезжаем.

– Вот и хорошо! Я очень рада. И ребёнку надо поплескаться, и вам побыть вдвоём, да вам, Василий Дмитриевич, нервы подлечить.

Попрощавшись с Верой Павловной, они отправились к себе домой.

Судьба на какой-то период разлучила героев. У Василия – весёлый и беззаботный отпуск, затем удачно складывающаяся карьера по партийной линии. Заботы и прочие события заслонили яркое эмоциональное приключение, произошедшее в конце лета. Краски померкли, и Василий даже стал сомневаться в реальности того случая, подумывая, что это даже мог быть сон.

А Тоня с головой окунулась в учёбу. И даже поначалу не обратила внимания на шушукания и язвительные уколы, раздающиеся из некоторых ртов. Она, как-то проснувшись утром, заметила, что у неё вдруг появился животик. Она его

погладила и радостно подумала: «Ну вот, хоть немного поправились, а то всю жизнь была скелетом. Руки, ноги даже стыдно было показывать. А тут, гляди, целый животик».

Райка Драчёва, поглядев на разглаживающую живот подружку, скептически сказала:

– Чёт ты, мать, только в одном месте поправились?!

– Ну почему же, – Тоня стала вытягивать перед лежащей на койке подружкой руки. – Вот, гляди, помнишь какие они худые были, а? А вот и ноги. – Она приподняла подол платья и показала свои белые, худые ноги. – Вот! Погляди?

– Ой, умора! – засмеялась Райка. – Ты ещё мне рёбра свои покажи. Там их можно все пересчитать. Пошли уже, а то опоздаем на занятия.

К новому году уже весь институт бурно переваривал чрезвычайное происшествие. Тоня была в глубочайшем шоке. Она не могла поверить в свою беременность, но факт был налицо, или, скорее всего, как сказала подружка Райка, не вовремя выполненная лабораторная работа. Подружка, как могла, успокаивала Тоню, но тучи сгущались очень тёмные над головой так неосмотрительно поступившей студентки. И не где-нибудь там, в каком-нибудь сельхоз, или ещё где. Где люди не совсем понимают последствий близких отношений противоположных полов. А в самом медвузе!

На комсомольском собрании одним из пунктов значилось «Персональное дело Антонины Геннадьевны Прохоровой». В кабинет, где собрались комсомольцы, Тоня вошла в сопро-

вождении своей подружки. Они сели с краю возле двери. Тоня сцепила пальцы на животе и опустила голову.

На обычное собрание, на котором обсуждаются разные несущественные вопросы, порой комсомольцев приходится загонять из-под палки. Многие находят причины, чтобы как-нибудь отпихнуться от скучного мероприятия, на которое нужно потратить уйму времени, не всегда имеющуюся у занятых студентов. А тут собрание факультета было назначено неделю назад, как обычно, заранее, чтобы все, спортсмены, артисты и другие шибко одарённые молодые люди скорректировали свои индивидуальные графики и все, как штык, присутствовали на важном заседании. Но и без напоминаний, было понятно, что народу на собрании будет много. Поскольку тема главного вопроса была известна всему институту, желающих посетить открытое комсомольское собрание было хоть отбавляй.

Аудитория была вместительной. Похоже, организаторы предвидели, что дело, вызвавшее такой резонанс, соберёт толпу зрителей. Поэтому был выбран просторный кабинет. Скорее всего, не кабинет, а зал для проведения театрального действия. Ряды сидений со столами располагались амфитеатром и, начиная от пола, устремлялись вверх, к самому потолку.

Постепенно аудитория наполнилась до отказа шумными студентами, сидящими буквально друг у друга на головах. Люди толпились возле подиума, где стоял стол с сидящи-

ми членами бюро. Даже через открытую дверь можно было видеть, как там, в коридоре, опоздавшие, вытягивая свои шеи, просовывали головы, пытались увидеть, что происходит внутри. Другие старались протиснуться и, напирая, весело ругались.

В середине президиума восседал секретарь института, завоорг, а по бокам располагались руководители ячейки их факультета. Владислав Петрухин, секретарь их факультета, встал и, сложив ладони в рупор, громко крикнул:

– Товарищи! Успокойтесь! Минуточку внимания! – крики и разговоры стали тише, но всё равно возбуждённые студенты ещё никак не могли успокоиться. – Если вы не успокоитесь, то мы перенесём собрание и пригласим только членов факультета. Вы не даёте работать, галдите как на базаре!

– Ага! – раздался откуда-то сверху громкий девичий голос. – Так мы все и разбежались! Ты Владик, чё, с ума спятил?! Мы все дела отложили, пришли послушать, поглядеть на такое сурьёзное представление, а ты собрался переносить! Так мы все и поверили! Давай начинай, нечегокота за хвост тянуть!

– Сидящая рядом с Тоней Райка толкнула плечом подружку и, наклонившись, шепнула на ухо:

– Вот же скотина эта Пермякова! Ты знаешь, как только вы вернулись из Москвы, так эта Машка про тебя стала такие сплетни по институту распространять, что я ей как-то сказала, чтоб она попридержала свой поганый язык. И что там

у вас с ней произошло, хоть бы ты рассказала мне? Я ведь самая твоя близкая подружка. Ну ладно, не переживай, всё будет хорошо, – и Райка пожалала своей рукой её колено.

Петрухин взял со стола листок бумаги и, постояв молча, чтобы обозначить важность момента, стал читать. Монотонно прочитав все положенные пункты, сколько состоит на учёте, сколько присутствует, кого нет и так далее, он опять выдержал паузу.

– А теперь, товарищи присутствующие, собственно повестка. Первым и главным вопросом у нас стоит вот что, – это «Персональное дело Антонины Геннадьевны Прохоровой», вторым вопросом у нас значится «Отчёт ответственного за массовые мероприятия Толоконникова», ну и третьим вопросом – это «Приём в члены». Если есть какие вопросы, предложения, дополнения, я слушаю.

– Да какие там вопросы, давай уже по первому докладывай, ждать уж мочи нет, шибко интересно. – Раздался голос, то ли парня, то ли девушки, невнятный какой-то.

– Тогда голосуем за повестку нашего собрания. Кто «за», прошу поднять руку, – сказал Петрухин и поднял свою. – «Против», воздержавшиеся есть? – опуская руку, продолжал он. – Ну, если все «за», то по первому вопросу слово предоставляется секретарю комитета института товарищу Крюкову Ярославу Кимовичу. – Садясь на своё место, он постукал карандашом по графину с водой. Не столько для внимания присутствующих, которые в предвкушении предстояще-

го представления затихли, затаив дыхание, сколько для какого-то ритуального порядка вещей. Поскольку он уже не раз видел, как старшие товарищи пользуются этим методом для привлечения внимания не в меру разговорчивых в зале.

– Товарищи присутствующие, – начал Крюков, – к нам в бюро поступило заявление комсомолки Марии Пермяковой, которое мы обязаны с вами рассмотреть и принять решение. Суть изложенного такова, я не буду зачитывать всё заявление, а только прочту отдельные абзацы, так вот: «... Комсомолка Прохорова Антонина Геннадьевна, находясь в столице в составе организованной группы студентов, направленных горкомом для помощи в проведении Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, вела разгульный образ жизни, не ночевала в специально отведённом для них месте. Закрутила роман с руководителем, прикреплённым партией от Москвы и на виду (есть многочисленные свидетели) у всех ходила под ручку с этим руководителем, и... они неоднократно обнимались и целовались».

В зале раздался смех, началось оживление. Раздался крик:

– Пусть сама пояснит такое своё поведение!

– Подождите, я ещё не закончил, к тому же мы обязаны после заслушать саму заявительницу, чтобы она сама устно рассказала кратко своё заявление и не получилось так, что потом она может сказать, что не писала данного заявления.

– Вот ещё! – возмущённо крикнула сверху Пермякова. – Я что вам, балаболка какая?!

– Хорошо, Мария, – сказал секретарь, – всё по порядку. Затем мы должны обязательно заслушать руководителя группы товарища Антонова, у него, как я понимаю, уже готовый отчёт о поездке? – Крюков наклонил голову и посмотрел на Антонова, тот кивнул. Подождав, пока в аудитории снова наступит тишина, секретарь продолжил. – Хочу обратить внимание всех вот ещё на какое обстоятельство, – и он, снова поднеся листок к лицу, начал читать, – «...Прохорова Антонина Геннадьевна после окончания фестиваля не поехала с группой назад, а осталась в Москве, непонятно с какими намерениями и целями. А также прошу взыскать с комсомолки Прохоровой народные деньги, потраченные на билет и, возможно, другие её тайные расходы». – Вот, вкратце, смысл заявления, а теперь давайте слушаем саму заявительницу. Прошу! – сказал Крюков и сел.

Сверху раздался крик:

– Я всё изложила в своём заявлении!

– Так, – поднялся Петрухин. – Тебе что, повторять надо?

Расскажи хотя бы вкратце суть твоей претензии.

– Давай, чего темнишь, признавайся, что там было?! –

Крикнул от дверей парень с ёжиком на голове.

Рядом стоящий громко сказал:

– Поди, не поделили кавалера. Давай признавайся!

– Мне не в чем признаваться, пусть лучше эта особа встанет и расскажет нам, как она докатилась до такого состояния! – Опять крикнула сверху Пермякова. – Она там хорошо

пофестивалила! – В аудитории раздался хохот, свист, кто-то захлопал в ладоши.

– Тихо! – громко сказал Петрухин. – Не превращайте собрание в балаган! А у вас, товарищи комсомольцы, будет возможность выступить в прениях и высказать своё мнение. Итак?! Пермякова, мы все слушаем тебя. У тебя есть что сказать по существу? Или ты только кричать можешь?

– Ты чего привязался ко мне, я всё написала! – начала выкручиваться она. Ей не хотелось озвучивать то, что так легко писалось на бумаге.

– В общем, понятно, – поднялся со своего места Крюков. – На бумаге писать одно, а в глаза сказать – другое. Давайте заслушаем руководителя группы товарища Антонова. Затем саму виновницу этой истории. Пожалуйста, – и секретарь сел.

Олег Антонов, белобрысый студент последнего курса, был отличником и активистом, но как руководитель чего-либо, он был никакой. Его не слушались даже первокурсники, не говоря уже о своих сверстниках. Горе-руководитель встал и стал мямлить:

– Наша группа была отправлена в столицу нашей Родины Москву с важной и ответственной миссией. – Несколько минут он гундел какие-то общие фразы и лозунги.

Терпение у всех давно кончилось и кто-то не выдержав, крикнул:

– Андрюха, клизму тебе в ухо! Ты, как Сусанин, куда-то

всех в дебри увёл. Давай рассказывай, виновата Прохорова или нет?! Только без своих этих...

Антонов смутился. Бледное его лицо стала заливать красная краска.

– Я, товарищи, – заикаясь, начал он.

– Ну, всё понятно! Они, похоже, все одной верёвочкой связаны! – раздался опять чей-то голос.

– Да я ведь как будущий специалист понимаю, что в таких случаях надо предохраняться... но... я не подумал об этом напомнить комсомолке Прохоровой...

Последние его слова потонули в хохоте и весёлых криках. Кричали:

– Андрюха! Надо было каждое утро инструктаж проводить и обязательно с наглядными примерами! Ха-ха-ха...

Веселье достигло апогея. Лучше ничего нельзя было придумать развалить серьёзное собрание – это дать слово человеку, не способному правильно излагать свои мысли.

Но тут вдруг резко встала Тонина подруга Раиса и, смело обращаясь ко всем, начала:

– Я как посмотрю, вы все, наверно, тут ангелы собрались? Накинулись они на беззащитную девушку. А где были вы все? Посмотри на неё, – Раиса поглядела гневно туда, где в окружении кавалеров сидела красавица Пермякова. – Написала пасквиль. Пофестивалила! Если вы все были рядом, видели, что происходит, и не остановили её – значит, вы все молчаливые соучастники! Вы же комсомольцы, товари-

щи её? Почему не собрались и не указали ей на её, по вашему мнению, недостойное поведение? Почему ты, – она обратилась к Антонову, – не призвал её к порядку? Не объяснил ей, что своими действиями она порочит звание комсомольца и бросает тень на всех? Может, своевременное участие коллектива предотвратило бы дальнейшее развитие этой истории. Но вы все смотрели на это сквозь пальцы, а многие с интересом, завистью. И с удовольствием перемывали косточки, целыми днями обсуждая интересную историю. Может, я не права? – она обратилась ко всем.

Аудитория затаила дыхание. Тоня сидела с опущенной головой. От стыда она не знала, куда деваться.

– И в конце своей речи, я хочу обратиться ко всем, – воодушевлённо продолжила она. – Принимая сегодня решение, покопайтесь в тайных уголках своей души. Помните, нет ли у вас каких-нибудь тёмных делишек, которые могут внезапно всплыть на всеобщее обозрение. И потом вы будете сидеть так же и под всеобщее улюлюканье испытывать унижение. Да, она оступилась, по неопытности с кем не бывает, а мы сейчас готовы растоптать и без того страдающую девушку. Прошу заметить, нашего товарища, комсомольца! Она ничего не украла, не предала Родину, а всего-навсего оказалась не способна разглядеть настоящие чувства. А вам не кажется, что это мужчина воспользовался наивностью провинциальной девушки и смог задурить ей голову?! Может, на нём и должна лежать вся ответственность

за это подлое дело?! Ведь он как руководитель обязан был держать дистанцию со своими подчинёнными и, уж тем более, студентами! У меня всё! – и она резко села, взяв Тоню за руку.

В зале раздались аплодисменты.

После такого эмоционального выступления подруги Тоня робко взглянула на сидевших в президиуме. Все хмурились, создавая вид озабоченных происшествием. Один только Крюков внимательно и, казалось, с интересом смотрит на неё.

– В выступлении комсомолки... – он запнулся и поглядел на секретаря факультета.

– Драчёва Раиса! – подсказал Петрухин.

– В выступлении комсомолки Раисы Драчёвой были поставлены правильные вопросы. «Где был руководитель?» Явно он самоустранился. «Где были товарищи?» Вот и весь сказ. Поэтому и стало возможным случиться такой истории, когда в коллективе процветает индивидуализм, и на проблеме, возникшую у товарища, не обращают внимания, а то и вовсе – начинают издеваться. Я думаю, что это всем нам урок на будущее. И от того, какие выводы сделаем для себя, так по жизни и пойдём с вами. Я предлагаю выслушать саму Прохорову Антонину, а затем перейдём к следующим пунктам. Пожалуйста, – секретарь снова поглядел на Тоню.

Она встала. Лицо её было белым, словно она густым словом намазала его цинковой мазью, даже местами отливало си-

ним. В широко открытых глазах стояли слёзы. Она ничего не видела. Вдруг она пошатнулась и, грузно сев, разрыдалась. Потоки слёз из её глаз текли так, будто там открыли невидимый кран. Подруга достала из сумочки платок и стала вытирать Тоне мокрое лицо. А Антонов, чувствуя свою вину, быстро встал из-за стола, налил из графина полный стакан воды и, подойдя, поставил его перед Тоней. В зале началось движение, разговоры. Кто-то громко сказал:

– Мы с вами будущие специалисты и должны понимать, какое у неё сейчас состояние! Давайте не будем усугублять его, а перейдём к следующей процедуре.

– Хорошо, – поднимаясь, сказал Крюков. – Тогда слушайте. Мы на бюро предварительно рассмотрели этот инцидент, обсудили. Теперь послушайте, какие решения я предлагаю. Руководителю делегации за провал воспитательной работы, за развал дисциплины, повлекший к нежелательным результатам, объявить выговор. Комсомолке Прохоровой Антонине Геннадьевне за порочащие высокое звание комсомольца действия объявить строгий выговор с занесением в личное дело. Секретарю факультета за слабую работу по воспитанию членов ВЛКСМ, а также за неправильный и неумелый подбор кандидатов в группу для работы на фестивале объявить выговор. – Закончив, он сел. В аудитории воцарилась тишина. Все замерли, будто внезапно онемели. Набитая битком аудитория, мерно дышала, скрипели местами сиденья, но голосов не было. Поднялся Петрухин. Голова его была опущена.

на, руки висели, как занавески на окне.

– Ну, вот товарищи, все слышали, какие санкции наложены на провинившихся, теперь давайте переходить к следующему вопросу нашей повестки.

– Постой, – остановил его заворг, – а голосовать? Ты не нарушай процедуру, регламент и прочие нюансы, а то потом нас всех не поглядят по головке.

Тоня, услышав о принятом решении объявить ей строгий выговор, вздохнула с облегчением. Она боялась, что её могут исключить из института. Выговор впоследствии может быть снят, это она знала. «Как хорошо вон Рая выступила, настоящая подруга. Бескорыстная и преданная». – До Антонины смутно долетали отдельные реплики продолжающегося собрания, а она думала о нём. О Василии. Интересно, у него могут быть ведь тоже неприятности, если вскроется эта история. А если до жены дойдёт, что тогда? Может, напишет потом, что там у него и как обернулось».

– Пошли, – толкнула её в бок Райка. – О чём размечталась? Поди, о нём? А? Угадала? – Она наклонилась, пытаясь заглянуть Тоне в глаза.

Студенты шумно спускались по ступенькам и, проходя мимо стоящей Антонины с подружкой, кто улыбался снисходительно, кто-то ободряюще говорил: «Что такое выговор? Да взять и растереть. Не вешай нос!».

Но выговор действительно был ничто, по сравнению с теми трудностями, которые стали возникать у Тони с каждым

днём. На днях её вызвали к декану, и он прямо ей заявил:

– Студентка Прохорова, мы пошли на некоторые снисхождения. Только из-за того, что вы учитесь хорошо и всегда, и во всём были впереди. Но теперь у вас куча хвостов. Вам надо принять решение. Я не давлю на вас, но такая ситуация никуда не годится. Возьмите отпуск, спокойно, без нервов, родите ребёнка, а потом наверстаете всё. Ну, как?

– Да-да. – Тихо сказала она. – Вы правы. Я напишу сейчас заявление.

– Ну, вот и умница. Иди, в деканате напишешь и сдашь, скажешь, что я в курсе.

Придя в общежитие, Тоня легла на свою кровать и задумалась: «Что же теперь делать? Домой поехать? А может, пока в больницу пойти поработать? Точно, завтра схожу. Там меня знают, возьмут». Вернувшись с занятий подруга Раиса, скрипнув дверью, разбудила её. Тяжело поднимаясь с кровати, Тоня спросила:

– Как там в институте, всё ещё обсуждают меня?

Рая, чтобы не волновать и без того пережившую на собрании потрясение Тоню ответила:

– Да какой там! – столько задали, голова кругом идёт.

– Знаешь, что я решила, Рая?

– Что? – настороженно спросила та, подходя к Тоне.

– Я завтра пойду устраиваться на работу в больницу санитаркой.

– Вот как? А как же учёба?

– А всё, с учёбой пока придётся повременить.

– Не говори глупости, – обнимая подругу, успокаивая, сказала Раиса. – Сколько сможешь, учишь, я помогу.

– Нет, уже всё решено. Я написала заявление.

– Зачем? – удивилась Рая.

– Так надо.

– А, так вот зачем тебя вызывали к декану? Всё понятно! Ладно. Ты только не переживай, тебе сейчас нельзя. Если хочешь, вместе сходим в больницу!

– Зачем? – улыбнулась Тоня.

– Как зачем? Ты как обычно, будешь стоять, будто виноватая, а я быстро им объясню, что к чему! Ну как, вместе или сама справишься?

Тоня нежно поцеловала подругу в щёку и, вздохнув, ответила:

– Какая все ж ты, Раечка, золотая подруга. Будто родная сестра или мать. Всё время заботишься обо мне, защищаешь. Я тебя искренне люблю. Не беспокойся, я сама завтра справлюсь.

– Ладно, – ответила Раиса. – Ты пойдёшь ужинать? Или тебе принести чего?

– Нет, мне не очень хорошо.

– Тогда я тебе принесу сюда, ты никуда не ходи. – И Раиса, погладив подругу по спине, вышла.

На следующий день Тоня, надевая своё старенькое пальто, обнаружила, что оно уже не застёгивается на округлив-

шимся животе. «Что же делать? – задумалась она. – На дворе февраль, но мороз и ветер как настоящей зимой». Тогда она, решительно сняв пальто, взяла длинное льняное полотенце и, обмотав его вокруг, зацепила булавкой. – Ну вот, – погладив себя по животу, тихо сказала она. Надев снова пальто, Тоня застегнула его на те пуговицы, что смогла, а посередине оно осталось растопыренным, и из щели выглядывало белое полотно полотенца. – Ну и пусть, – сама с собой разговаривая, сказала она. – Мне можно, беременным скидка полагается, я же не пьяная иду. – И, повязав плотно платок, вышла из комнаты.

В больнице, где она на каникулах в прошлом году успела немного поработать, прежде чем её направили на фестиваль, её узнали. Санитарки окружили её и, удивлённо оглядывая, оживлённо стали расспрашивать. Пожилая тётя Поля, всплеснув руками, сразу воскликнула:

– Вот так да! Никак рожать к нам пожаловала?

– Я, тётя Поля, на работу пришла. – Глядя с надеждой и виновато сказала Антонина.

– Да ты что? Ты серьёзно или шутишь, подруга?

– Да нет, мне работа нужна, – опять с надеждой повторила она. Санитарки удивлённо переглянулись.

– Ну, так это, – сказала одна, Тоня не помнила её имени, – ты сходи вона к главному и с ним погутаешь. Чево тут-то толочь воду в ступе? Всё от него зависит, как он постановит, так оно и будит. Иди, милая, сходи к Валерию Марковичу.

Тоня, медленно переставляя ноги, стала подниматься по ступеням. Кабинет главврача находился на втором этаже трёхэтажной дорожной больницы. Подойдя к двери кабинета, она ослабила узел платка и немного сдвинула его со лба. Прядь русых волос выпала и закрыла ей глаза. Она аккуратно заправила её обратно и робко постучалась. Никто ей не ответил. Тогда Тоня потянула за ручку и дверь, скрипнув, легко открылась. За столом сидел главврач и что-то читал, перелистывая страницы и делая пометки на лежащем рядом листке.

– Здравствуйте, – остановилась в нерешительности в дверном проёме девушка. Валерий Маркович поднял голову, внимательно посмотрел через толстые стёкла очков и сказал:

– Здравствуйте.

– Можно к вам? – опять робко спросила Тоня.

– Заходите, что там у вас? Только быстро, а то у меня времени нет.

– Валерий Маркович, – начала она, – вы меня помните, я ещё у вас работала?

– Помню, голубушка, помню, только имя ваше запомнил.

– Антонина Прохорова, – обрадовавшись, ответила она.

– Да вы чего там, у дверей, стоите, подойдите ближе, я не кусаюсь. Неудобно разговаривать на таком расстоянии.

Тоня медленно подошла к столу.

– Садитесь, а то, наверно, стоять тяжело?

– Да нет, так гораздо лучше.

– Ну ладно, выкладывайте, что вас привело сюда.

– Валерий Маркович, я на работу пришла устраиваться, – с надеждой глядя на врача, сказала Тоня.

– Вот так, да? – удивился тот. – А как же учёба, а, ну-ну? –

О чём-то догадавшись, поднялся из-за стола главврач. – Нет, нет, и ещё раз нет! – Категорично отрезал он. – Ты подумай, какой из тебя работник? Куда тебе с таким животом? Да и потом, меня накажут или просто уволят за это. Ладно бы ты работала и, что бывает, естественно, забеременела, то я не имел бы права тебя уволить, а обязан был дать тебе лёгкий труд. Но тут всё – наоборот. Нет, даже не проси. Тебе сейчас любой труд уже противопоказан.

– Что же мне делать? – задрожавшими губами прошептала она.

– Не знаю. Дома должны же тебе посоветовать, как быть. Родители же у тебя есть?

– Да, – беззвучно прошептала она.

– Ну вот, а отец ребёнка, он что? Неужели все они тебя не поддержали, и ты вынуждена искать работу? Что касается родов, то я готов посодействовать, у меня ученик хороший акушер. Так что, как только начнутся, сразу звони, голубушка. А на счёт этой своей просьбы уволь, не могу помочь. Всё, мне некогда, всего хорошего. – И Валерий Маркович, сложив какие-то бумаги в стопку, взял их под мышку и собрался уходить.

Тоня отпустила спинку стула, за которую держалась, стоя возле стола. И, повесив голову, повернулась уходить.

– Ну, ну. Не надо так переживать, в вашем положении, девочка, нельзя работать. И не я это придумал. Вы сами подумайте, а вдруг что-то случится? Кто будет отвечать?

– Спасибо, – сказала она и пошла из кабинета. Главврач вышел следом, закрыл двери на замок и быстрой походкой пошёл по длинному коридору.

Пришедшая с занятий Рая застала сидящую в одежде подругу.

– Ты куда-то собралась или только пришла? – раздеваясь, спросила она. Потом поглядела внимательней, увидела рядом с Тоней её чемоданчик и с тревогой спросила. – Уезжаешь?

– Да, Раечка. В больницу не взяли из-за беременности. Здесь нельзя жить в общежитии. Куда я в таком виде пойду, кому я нужна?

– А там, Тоня, в колхозе, разве легче будет? Там ведь у вас, кроме тебя, ещё три сестрѐнки, малые.

– Там всё же дом. На улицу не выгонят. Да и денег немного есть, на первое время хватить должно. Поеду я, Рая, я уж всё решила. Здесь мне никто не поможет, а там всё же мать.

– Ладно, когда поедешь?

– Сегодня, проходящий поезд идёт. Там я на разъезде выйду и с километр доберусь пешком или на попутке до нашей деревни.

– Хорошо, я тебя провожу. Только ты обязательно мне пиши, а то я беспокоиться буду. Хорошо?

– Ладно, – вставая ответила Тоня. – Надо идти. Я ведь раньше хотела на вокзал уехать, но не смогла. Ты мне как сестра, Раечка, поэтому я и хотела с тобой попрощаться. Сказать спасибо за всё, что ты для меня делала. Я за всё тебе, милая моя подруга, благодарна.

– Ну пойдём, – потеряв глаза, одевая пальто, сказала Раиса.

Усадив Тоню в вагон, Рая увидела, что проводник мужчина, и, выходя, попросила его помочь беременной девушке с высадкой.

– Там ведь поезд стоит всего минуту, а она вон – тяжёлая, – заботливо сказала она ему. – Проводник вы, сразу видно, бывалый.

– Отчего ж не помочь, я всегда стараюсь, – добродушно ответил тот, шуруя кочергой в жарко горящем котле. – Да вы идите со спокойной душой, я понял. Всё сделаю в лучшем виде.

Рая вышла из вагона и, подойдя к окну, стала глядеть на печально сидящую подругу. Потом состав дёрнулся и медленно поплыл. Рая, сняв варежку, пальцем чертила в воздухе, напоминая Тоне, чтобы та писала, а затем помахала ей вслед.

Выгрузилась Тоня без сложностей. Проводник, как и обещал, помог. Он оказался очень порядочным и заботливым.

Когда поезд остановился, он, взяв чемодан первым, вышел на низкую платформу. Затем, протянув девушке руку, осторожно помог ей спуститься. Локомотив издал свисток, и поезд тронулся. Поставив чемодан у ног девушки, проводник легко запрыгнул на первую ступеньку и, улыбаясь, поехал. Тоня, махая ему, крикнула «спасибо» и, взяв свой чемоданчик, пошла мимо казармы в направлении своего колхоза.

Зимой, как всегда, смеркается рано, а темнота наступает мгновенно. Выйдя на просёлочную дорогу, Тоня поняла, что здесь не город, где снег чистят, да и люди быстро его притаптывают. В поле снега лежат долго. Даже в марте, когда солнышко вовсю начинает припекать. В полях снежное покрывало, отражая девственной белизной солнечный свет, бережёт от внезапных морозов бойкие и нетерпеливые ростки. Тоня медленно шла по заснеженной дороге. Вдоль правой стороны стояли столбы и тянулись провода. Сколько раз она здесь проходила либо одна, либо с матерью. А бывало, и с подружками бегали на поезда смотреть. Ох, и жутко было. Стоят они стайкой, взявшись за руки, а поезд гудит, а затем мимо них как вихрь пролетают вагоны. Малые были – страх бежал ознобом по спине. Но потом попривыкли, и уже пропал интерес к проносящимся и тревожно гудящим поездам.

Выдохшись, Тоня встала. Поставила свой чемоданчик и глубоко вдохнула чистый, морозный воздух. Варежкой вытерла вспотевшее лицо и посмотрела вдаль. Там светились

несколько огоньков, один прожектор – она знала – на ферме, другой – на столбе возле сельсовета, а другие... «Интересно, – подумала она, – другие вроде двигаются, или мне мерещится уже?» – Потерев глаза, она и правда увидела, как два огонька двигаются. Через какое-то время она услышала звук мотора. Навстречу шла машина. Поравнявшись с ней, автомобиль остановился, и из опустившегося стекла появился Гришка Петухов.

– О, старые знакомые? – воскликнул он. – Привет! Куда путь держишь, мадам? – Тоня обрадовалась: это их машина и водитель колхозный.

– Здравствуй, я домой.

– Ну, так ты погодь, я вот агронома на поезд провожу и обратно поеду, и тебя захвачу.

– Хорошо, – радостно ответила она.

Машина, надсадно гудя, будто везла полный кузов тяжестей, тронулась. Тоня осторожно села на свой чемодан. Дождаясь обратно Гришку, она стала замерзать. Распаренное тело, медленно остывая, начало зябнуть. Она хотела встать, чтобы походить, подвигаться и согреться, но не смогла. Она попыталась ещё раз, но живот не давал ей возможности подняться с низкого чемоданчика. Подъехавший Гришка так и застал её, сидящую. Открыв дверь кабины, он, вытянувшись со своей стороны и выглядывая, крикнул:

– Давай быстрее залазь, а то холоду щас напустим в кабину.

Сквозь гудящий мотор Тоня крикнула что было сил:

– Не могу! Помоги-и встать! – Гришка, видя, что девушка не встаёт, кричит и машет ему рукой, закрыл дверку и вылез из кабины. Подойдя к Тоне, удивлённо встал.

– Ну ты чё? Давай, поехали, некогда мне.

– Помоги встать!

Парень подал ей руку, и когда девушка встала, удивился ещё больше.

– Вот так раз?! Ничего себе?! Ну ладно, давай подсажу. – И Гришка, открыв дверку, стал помогать Тоне забраться в кабину. Усадив её и поставив ей в ноги чемодан, он быстро заскочил на своё место и нажал на газ.

Некоторое время ехали молча. Потом Григорий, удивляясь и как бы сам с собою разговаривая, произнёс:

– Вот же как оно получается, стоило ради этого в город ехать. У нас, штоль, нет специалистов в этом деле?

Тоня покосилась на него. Она знала, что Гришка давно уж поглядывал на неё, ещё когда в школе учились. Он, правда, на два класса старше был.

– Я вот не пойму, – опять начал тот. – Ты в город учиться поехала? – Тоня молчала. Она поняла, куда он клонит. – Молчишь?! Молчи. – Гришка, нервно дёргая рычаг переключения передач и нажимая на педали, ещё что-то бубнил. Но Тоня, отвернувшись, смотрела в пассажирское стекло. Вот машина, завывая от натуги, преодолела небольшой овражек и выехала на первую улицу их села. Домик у Прохоро-

вых был небольшой, всего две комнаты и кухня с большой русской печью. Из сеней можно было пройти сразу в сарайку, в которой зимой жили несколько куриц с петухом и поросёнок.

Гришка молча подъехал к калитке и остановился. Навалившись на руль, он уставился в лобовое стекло, будто что-то высматривая впереди. Тоня молча открыла дверь и, развернувшись, стала задом пытаться слезть с оказавшейся вдруг высокой подножки. Не будь у неё такого живота, она б легко спрыгнула и – поминай как звали, а теперь... Взявшись за ручку одной рукой, она встала на колени и стала спускать одну ногу, нашаривая ей землю. Вторая нога, соскользнув с ледяной ступеньки, увлекла её в сторону и, не удержавшись одной рукой, Антонина полетела на землю.

Гришка, услышав крик, выскочил и подбежал к лежащей девушке.

– Чего ж ты так неаккуратно? – стоя над ней, буркнул он. – Давай помогу, – и он подал ей руку. Подняв её, он вытащил из кабины чемодан и поставил у её ног. – Не ушиблась? – Тоня молчала. – Ладно, поехал я, мне ещё везти солому. – Захлопнув дверку, он сел в машину и уехал.

А Тоня, взяв чемодан, привычным движением открыла калитку и стукнула в светившееся ещё кухонное окно. Дёрнулась занавеска, и показалось лицо матери. Женщина вглядывалась в темноту улицы, пытаясь понять, кто там стоит.

– Это я, мама! – крикнула Тоня.

Услыхав знакомый голос, мать закрыла занавеску, пошла открывать. Вошедшая с улицы, с темноты, Тоня поставила чемодан у порога и, обняв мать, заплакала.

Третья глава

Мать, не выдавшая дочь около года, была потрясена увиденным. Когда та прижалась к ней, то она всё поняла без слов. У матери от увиденного тоже выступили слёзы. Тоня разулась и, расстегнув пальто, села на лавку, стоящую вдоль печи. Из комнаты радостно выбежали сёстры, но, увидев плачущих, остановились, и радость померкла на их личиках.

Мать стояла возле стола и, глядя сквозь влажную пелену, не могла сообразить, что же надо делать, что сказать, какое сделать движение, чтобы обстановка пришла в движение. Она стояла, теребила полотенце, и вдруг зарыдала. Подскокившие девочки стали её обнимать.

– Мама! Мама! Не надо, у тебя ж сердце! Перестань!

Она, покачиваясь, прошла до табуретки и, опершись на стол, села. Утерев лицо полотенцем, она всхлипывая, спросила:

– Ну, что дочка, выучилась?

– Не надо, мам! – сказала побелевшими губами Тоня.

Развязав тугой узел, она сняла платок, затем медленно встала, скинула пальто. И все увидели. У девочек раздался вздох удивления.

– Мама, давай завтра обо всём поговорим. Сегодня поздно. Тебе ведь завтра вставать рано. Успокойся. Я тебе всё

объясню.

Всю ночь Прасковья Михайловна проворочалась без сна. Только перед рассветом задремала. Встала, вся разбитая. Кое-как расходилась и, в глубокой печали, ушла на работу.

В маленьких городках слухи распространяются быстро, а уж в деревнях тем паче. Тем более, если сплетня была рассказана живописно, самим автором увиденного своими глазами того или иного события. Так и здесь. Не успела Прасковья появиться, как мать Гришкина на весь колхоз воскликнула:

– Говорят, твоя Тонька с дипломом приехала?! Теперь, поди, всех учить будет, как коров правильно доить, сеять и пахать!

Прасковья, наклонив голову, молча стала заниматься привычным делом. Другая доярка, моргнув, Гришкиной матери, спросила:

– И чё, правда штоль? А ну, признавайся, Парасковья, твоя Тонька вернулась учёная?! Поди, таперича, дилектором будить?! Чаво молчишь, как словно в рот воды набрала? Давай порадууй обчество тружениц. Вон Семёныч, и то усы наострил, гляди, как заинтересовался, ажнить папироска перестала дыметь. Правда, Семёныч, антиресно? Ведь это не быкам хвосты крутить, чему ты здесь научился? Это в городе! Там всяким наукам учат, нам здесь неведомым.

Прасковья, взяв подойник, ушла в дальний конец фермы. На следующий день всё повторилось. Языкастые бабы

продолжили донимать и без того переживающую Прасковью. Но на этот раз у них оказался бригадир, который, поняв злобные насмешки, строго пресёк их. И пообещал, что если они не прекратят свои издевательства над бедной женщиной, то он поднимет этот вопрос на собрании и устроит им проработку.

Явные и открытые издёвки прекратились, но между собой сплетницы продолжали шушукаться и криво усмехаться. Прасковья молча терпела. Осунулась, замкнулась. А ночью, как будто кто открывал кран, слёзы текли сами собой. Она закрывалась с головой одеялом, чтобы никто из детей не видел, и беззвучно плакала.

Последние дни февраля пятьдесят восьмого выдались ненастными. Февраль будто вспомнил, что он всё же ещё зимний месяц, и завьюжил. Откуда-то налетела пелена, затем стала сеять мелкая крупа, а потом повалил снег. Двое суток бесновалась непогода. Казалось, что зима хочет показать людям, вот, мол, глядите, как я умею. А то разбаловались, изнежились. Вот такая сила у меня.

– Наверно, весь снег решила высыпать, что остался, – сказала Прасковья, входя в дом. Похлопав себя рукавицами спереди, она сняла телогрейку и встряхнула её, чтобы очистить со спины. Обмела кирзовые сапоги и вошла в кухню.

– Вот задери её, эту непогоду, – чертыхаясь, она сняла сапоги, размотала платок и, присев на лавку, оглядела присутствующих.

Антонина шурудила кочергой в печке, а на лежанке уже стояла кастрюля с дымящейся картошкой.

– Ну, что, не передумала? – спросила мать.

– Нет, мам, уеду. Здесь мне житья не будет. Одни издёвки.

– Ладно, только пообещай мне, что как только приедешь к нему, сразу мне письмо напиши, чтобы я не волновалась.

– Хорошо, мама. Ты очень-то не расстраивайся, я всё сделаю, как и обещала.

– Да чего не расстраиваться, – вдруг всхлипнула мать, – вон куда едешь. За тридевять земель. И никого там нет, чтобы помочь.

– Ладно, мам, всё, хватит, не начинай.

– Я с Николай Васильичем договорилась, он раз в месяц в райцентр ездит, так обещал, что тебя возьмёт. Только непогода уляжется.

– Хорошо, мам, умывайся, я на стол сейчас соберу. И будем ужинать.

Прасковья горько вздохнула, подняла натруженные руки, вытащила из волос гребешок и, расчесав поредевшие, ещё не совсем седые, пряди и закрутив их в узел, снова закрепила гребнем. Встала, подошла к жестяному рукомоёйнику и, умывшись, вытираясь, снова спросила:

– Ты вот что мне скажи, ты учёбу-то совсем бросила или как?

Чтобы успокоить мать, Тоня бодрым голосом сказала:

– Mam, я всё решила. Как только родится ребёнок, сра-

зу же пойду работать, а учиться стану заочно, – сказала и сама себе не поверила. Потому что не знала, как там всё сложится. – Он человек хороший, я думаю, поможет первое время.

Мать покачала головой, вытерла рукой пробежавшую по щеке слезу и сказала:

– Я думаю, какая же ты, доченька, у меня наивная. Она думает. Да если он за это время не написал тебе, значит его не интересует ни твоя судьба, ни судьба будущего ребёнка.

Сосед, Николай Васильевич Уткин, мужик крепкий, хотя и в серьёзных годах, был пчеловодом. Притом потомственным. Когда началась эпопея с раскулачиванием, его отец поступил очень мудро, что впоследствии спасло жизнь не только его семье, но и многим деревенским жителям. Когда пришли в зажиточный дом Уткиных и потребовали отдать припрятанные припасы, Василий Иванович сказал просто: «А у нас нет припрятанных припасов. Все запасы в кладовках и погребах, вот ключи, можете забирать. Только сначала подумайте, а стоит ли всё изымать сразу, может, лучше брать по мере необходимости? Вот и пасека у меня, я готов поставлять мёд для вашего вновь созданного колхоза за ту цену, которую вы назовёте». Местные мужики, знавшие покладистый характер пасечника, заступились за него при реквизиции. И приехавшему продотряду немного перепало из богатых закровов. Всё пчелиное хозяйство активисты объявили колхозной собственностью, а пасечник Васи-

лий Иванович стал колхозником. Правда, комиссар, сопровождавший обоз, был недоволен, но мужики в драных штанах и поддёвках насмерть встали на защиту. Пчеловод, видя, что сейчас сопровождавшие продотряд солдаты применят силу и, вполне возможно, прольётся кровь, предложил разделить поровну, и конфликт был исчерпан.

Так и стали они колхозными пчеловодами. И выручали крестьян рачительным своим трудом и прибылью. И в годы войны и разрухи всегда у них в хозяйстве не было недостатка в целебном продукте. А сына Николая почему-то прозвали Гоголем, то ли за схожесть имени и отчества со знаменитым писателем, то ли за схожесть лица. В молодости Николай был черняв и с таким же носом, но в течение жизни подрастерял схожесть. Поседел, облысел, ссутулился, только и остался нос гоголевский.

Жил он уж давно один, если не считать собаки по кличке Матрос и кошки Маруси. Супруга давно померла. Как померла! Вроде здоровая баба была, никогда ни на что не жаловалась, а тут... Ведь говорил ей: «Хватит уже в колхозе спину гнуть, пора уже и на покой. Дома вон работы непочатый край». Нет же. В колхозе на огородах в наклон, может быть, где и от солнца спрятаться надо, ан нет, всё в передовицах. Вот, поди, от удара и скovyрнулаcь. Пришла с поля – нет чтобы передохнуть – давай свой огород полоть, поливать. За день там упарилась, изжарилась, полежи, попей холодного молочка, остынь. Но не такова была Татьяна Петровна. Всё

ей нужно было сделать сейчас, немедленно. Только забыла, грешная, что лет то уж не восемнадцать, а седьмой десяток.

Короче, приехал Николай Васильевич с пасеки уже к полуночи, а хозяйки нет дома. Темно в окнах. Ну, думал, уж спит, умаялась. Глядь, в доме нет. Зашёл в сарай, гуси загоготали от его фонаря. Осмотрелся, нет и тут. Пошёл весь двор обходом. И вот видит – лежит его Татьяна, головой в картофельный куст уткнулась, а в руках тляпка. Схватил он её, перевернул, а она уж холодная.

Дочь-то к тому времени уж несколько лет как в райцентре жила. Как замуж вышла за агронома, так туда и переехали. Вот Николай Васильевич каждый месяц и ездил проводить её да внучат. Соберёт гостинцев своих, уложит в бричку, а зимой так в сани – и айда по большаку. Всего каких-то двадцать километров.

Собрал он в этот раз довольно приличный набор. Ведь скоро праздник женский. Вроде бы всего понемногу, а всё равно полные сани выйдут, а тут ещё попросила Прасковья дочку подвезти до райцентра, уезжает вроде. Вот же и баба неплохая, а что-то не ладится у ней. Вот и старшая с пюзом приехала, студентка. Николай Васильевич жалел соседей. Нет-нет, да поможет чем: то мёду даст просто так, то ещё чего. Прасковья благодарит его, чуть не в ноги кланяется. А он махнёт рукой да и скажет, «Брось, соседка, у меня всё есть, мне что, много надо? Детям и внукам тоже хватает. С собой в могилу всё, что есть, не заберёшь, а вам всё какое

подспорье».

Думая про себя разные свои думки, Николай Васильевич, с утра, ещё темно было, накормил всё своё хозяйство и, выйдя за ворота, стал чистить лопатой замёты. Ветер утих, снег перестал, но морозец щипал кончик носа. Убрав у ворот огромный сугроб, он вывел ровный проезд к заметённой дороге.

Вернувшись, Николай Васильевич развернул сани и, подняв оглобли, пошёл в конюшню за своим любимым рысаком. Выведя фыркающего, застоявшегося Огонька, стал запрягать. Конь негромко заржал. Видно было, что обрадовался предстоящей прогулке.

Выехав из ворот, Николай Васильевич остановился у ворот соседей. Зашёл в калитку и постучал в окно. Не дожидаясь ответа, вышел и пошёл закрывать свои распахнутые ворота. Услышал, как у соседей хлопнула дверь, а когда вернулся, то увидел у саней Прасковью и Тоню. Поздоровались. Женщины обнялись. Николай Васильевич указал, куда садиться. Распахнул рогожу, там была кошма, а под ней полушубок. Помог девушке удобней примоститься, укутал её, а фанерный её чемодан поставил ей в ноги. Сам же, не садясь, тронув лошадь, пошёл рядом.

Снежный буран, бесновавшийся двое суток, засыпал некоторые дома почти с крыши. Подъехали к мосту, что был перекинут через небольшую речку. Вместо моста красовался красивый белый утёс в два человеческих роста. Почесав кну-

том подбородок, Николай Васильевич повернул лошадь влево. Он знал, что раз снег намело на препятствие, то на юру, наоборот, будет чисто да гладко. Так оно и вышло. Подъехав к пологому склону, где речка разливается и скотина обычно приходит на водопой, они увидели совершенно гладкое тырло, а лёд на речке блестел под лунным светом. Не спеша, перешли на другой берег и стали забирать снова вправо. Чтобы не заблудиться, пока не рассвело, Николай Васильевич, ориентируясь на столбы вдоль дороги, пошёл споро, временами объезжая перемёты.

Дорога, местами чистая, но, где росли деревья и кусты вдоль обочины, была непроезжей. Поэтому он не стал заезжать на неё, боясь потом не выехать. А по старой привычке вел свою лошадку вдоль. Поле до райцентра было ровным, поэтому больших заносов на пути не попадалось. Размявшись где-то с часок, он примостился в передке и, когда уже стало светать поддал ходу. Конь тоже, видно, устал брести монотонно и, обрадовавшись, пустился рысью.

Подъехав к вокзальному зданию, Николай Васильевич остановился и, зацепив узду за фонарный столб, раскутывая сонную и пригревшуюся Тоню, сокрушаясь, будто это его родная дочь, сказал:

– Зря ты едешь в даль далёкую, ой зря. Ничего путного из этого не выйдет, вспомнишь мои слова. Я тебе это говорю, Тоня, поскольку жалко мне всех вас. Ой, намыкаешься ты бедная, и наплачешься. Оставайся лучше дома. Здесь всё ж

как-никак, а родные стены.

– Нет, я уж решила. Если я решила, то назад не отступлю. Спасибо вам, Николай Васильич, за всё.

– Ладно, – вздохнул он, – пошли, я тебе чемодан-то в вокзал занесу. Постой, чуть не забыл. Вот же старость не радость. – Он нагнулся и вынул из корзины туюсок. – Вот, доченька, мёд тебе. Возьми, вдруг заболеешь, так он тебя на ноги поднимет.

– Спасибо вам, Николай Васильич. – Улыбнулась Тоня и, прижав подарок к груди, пошла в здание вокзала.

Без всяких проволочек Тоня купила билет до Москвы. До прибытия скорого поезда ещё было больше часа, и она решила перекусить. Разложила на свободном сиденье тряпочку, вынула две варёные картофелины, яичко и кусок хлеба.

«Вот же кулёма, соль-то забыла. – вздохнула она. Посмотрела по сторонам, увидела буфет, но он ещё был закрыт. – Ладно, – махнула она рукой, – будем так есть. Небось не подавлюсь». – И она с аппетитом стала уплетать холодные свои закуски.

В Москву Тоня приехала 2 марта в воскресенье после обеда. Подумав, решила переночевать на вокзале, а уже с утра ехать по своему делу.

Найдя место среди людского столпотворения, она притулилась на шатающемся кресле. Пододвинув свой чемодан к ногам, стала смотреть на мельтешащих людей. Через некоторое время ей это надоело, и она решила выйти на улицу,

подышать свежим воздухом. Рядом сидели на вид благообразные дед со старушкой, и Тоня попросила присмотреть их за своим чемоданом. И со спокойной душой пошла на выход.

Её толкали люди с баулами, мимо протискивались спешащие пассажиры. Чтобы не мешать никому, она отошла подальше и встала, оглядывая всю эту кишашую многоголовую сутолоку. Светило яркое мартовское солнце, под ногами чавкала снежно-ледяная каша, а местами даже уже образовались лужи.

Подставив ласковому солнышку своё лицо, Тоня, закрыв глаза, наслаждалась долгожданным теплом. Подышав воздухом с выхлопными газами, понежившись под первыми лучами весеннего солнца, Тоня вернулась в вокзал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.